

80-летие освобождения
Родины
1945 - 2025

В ДНИ АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Издательство литературы на иностранных языках
КНДР
2025

В ДНИ АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

**Издательство литературы на иностранных языках
К Н Д Р
2025**

Содержание

Предисловие	6
1. ПЕРВЫЙ ШАГ	8
Восторженные возгласы на лесной поляне Туцидянь	9
Выстрел на перевале Сяоинцзылин	11
Последний облик матери	13
Невозможно ли сотрудничество?	15
Восхищение китайского старика	18
Антияпонскую борьбу – до конца!	20
Мышь в чане	22
Без какого-либо различия	24
Плата за потерянный топор	25
2. НА ОПОРНЫХ ПАРТИЗАНСКИХ БАЗАХ	27
Первое народно-революционное правительство	28
Посланец из Коминтерна	30
Оружейная мастерская в тайге	33
Командующий – тоже сын народа	35

Возвратиться назад, чтобы платить за картофель	36
Искорка всенародной обороны	37
Боевая операция по дезорганизации вражеского стана	39
Переформирование АНПА	42
Звуки губных гармошек на земле Северной Маньчжурии	44
«Песня об антияпонской войне»	46
Семья старика Чо Тхэк Чжу	49
Любите человека	51
Причина ликвидации партизанского района	55
3. АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ КРУПНЫХ ОТРЯДОВ	57
Врагу, не дающему народу покоя, – нет пощады	58
Орудийный грохот на Дахошаопухэ	61
Минометный грохот на североманьчжурской земле	63
Староста стодворового поселка сделал «донос» на партизанский отряд	65
Странные узы	68
Торжественный форум победителей	71
4. СОЗДАНИЕ НОВОЙ ДИВИЗИИ	74
Радость и печаль	75

Недалеко от материнской могилы	77
Эликсир бессмертия	79
Сожжены кипы документов о «Минсэндане»	80
20 юаней	83
Первая женская рота	85
Заявление «старика с трубкой»	87
Снежный комок дает осознать истину	90
Молитва в бревенчатом доме Ставки Командования	92
Юбилейный стол для помещика	95
Бык вернут обратно хозяину	99
Цзиньанская армия уничтожена от тактики рассечения	101
5. С ТРУДНЫМИ ИСПЫТАНИЯМИ	103
Молниеносный бросок под Сяотанхэ	104
Возвращение в Тоудаолин	106
Бракосочетание батрака-парня	107
История с боем в Почхонбо	110
Пламя в Почхонбо	111
Непобедимый партизан	113
Объединенный митинг армии и народа на плато под Диянси	114
«Тыква» в Цзяньсаньфэне	116
Мальчики с ружьями	119

Письмо, присланное к новобранцу	121
Чашка толочна	123
Тактика неуловимых на плоскогорье Фухоушуй	125
Случай с солью	127
6. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ГОР ПЭКТУ	131
Снова на Родину	132
Церемония открытия «сторожевой дороги Капсан – Мусан»	133
Народ пошел к партизанам	135
Бой на реке Вукоуцзян	136
Футбольный матч в поселке Юйшидун	138
Китайский помещик Лю Тунши	140
Партизан, который закрыл вражескую амбразуру	142
7. В ДНИ ДЕЙСТВИЙ МАЛЫМИ ОТРЯДАМИ	145
Переход к новой стратегии и тактике	146
На Дальний Восток	148
Клятва в глухом уголке Мыншаньцуня	150
50 пачек порошков	152
Рассказ, чего не было в истории	154
8. ВО ИМЯ ПОСЛЕДНЕЙ РЕШИТЕЛЬНОЙ БИТВЫ	156
Первая встреча с Ким Чаком	157

Весной на чужбине	158
Ванбабоцзыский инцидент	160
Большой праздник	163
Взгляды на роспуск Коминтерна	164
Надо знать о своей Родине	165
Командующий показывает личный пример в парашютной подготовке	167
Первые парашютистки воздушного десанта	168
9. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ	170
Эхо в горах Пэкхак	171
Беседа с А. А. Ждановым	173
Оценка плана учебных маневров отряда	175
Сводные тактические занятия, проведенные под его личным командованием	178
Прорыв для боевой операции против Японии	180
Последняя наступательная операция КНРА	181
«Да здравствует освобождение Родины!»	183
Послесловие	186

Предисловие

Нас отделяет 80 лет от той поры, когда наш народ освободился от военной оккупации японских империалистов.

Освобождение Родины от империализма привело к драматическому изменению в судьбе нашего народа. И он начал прокладывать себе путь к решению своей судьбы собственными силами, вписывая новую страницу в историю страны.

Для свершения этого великого дела корейским революционерам пришлось пройти огонь и воду и медные трубы на маньчжурских просторах. Бои с японскими захватчиками прошли без государственного тыла, без поддержки регулярных войск. Конфронтация с вооруженными до зубов империалистами Японии сопровождалась огромными жертвами и невыносимыми горестями, острым голодом и пронизывающими морозами. На этом суровом, никем непроторенном пути стояло бесчисленное множество затруднений, преград и перипетий, которые следовало преодолеть.

Великий Ким Ир Сен получил от своего отца в наследство два пистолета. С ними он выдвинул линию на развертывание вооруженной борьбы против японских оккупантов с целью освободить Родину от них путем мобилизации всех патриотических сил Кореи. И им создана Антияпонская народная партизанская армия (АНПА) – первые революционные вооруженные

силы чучхейского типа.

С твердой верой в будущее освобождение родной страны, со стальной волею он пошел в жаркие бои против японских агрессоров. И ныне следы кровопролитных боев помнят отроги гор Пэкту, волны реки Амнок.

Вера в народ, опора на его силы, гениальный светлый ум, выдающаяся стратегия и тактика привели к великой победе антияпонской войны. Его бессмертный подвиг принес нашему народу историческое событие – долгожданное освобождение Родины.

В скрижали истории антияпонской революции нашего народа внесено немало рассказов и эпизодов, которые приобщают людей к глубокой истине, бесценному опыту и уроку истории.

Вниманию читателей предлагается часть из них.

1. ПЕРВЫЙ ШАГ

- 9 || **Восторженные возгласы на лесной поляне Туцидянь**
- 11 || **Выстрел на перевале Сяоинцзылин**
- 13 || **Последний облик матери**
- 15 || **Невозможно ли сотрудничество?**
- 18 || **Восхищение китайского старика**
- 20 || **Антаяпонскую борьбу – до конца!**
- 22 || **Мышь в чане**
- 24 || **Без какого-либо различия**
- 25 || **Плата за потерянный топор**

Восторженные возгласы на лесной поляне Туцидянь

Заколыхались людские волны на лесной поляне – и гремят восторженные голоса.

25 апреля 1932 г. Здесь проходит церемония по случаю создания АНПА. Собралось много людей посмотреть мероприятие.

– Ба! Командир Ким, видите, такой молодой! Ему, кажется, не более двадцати лет...

Да и то сказать: за пределами Аньту ходили слухи: «Командир Ким очень высокого роста, с длинной бородой, в кольчуге, ездит на белом коне». А вот теперь перед ними – молодой Полководец в такой военной форме, в какой рядовые партизаны.

В то время партизанское обмундирование было сшито из ткани зеленого цвета, окрашенной соками дуба. К левой стороне груди прикреплен пятиконечный лоскуток ткани красного цвета, на котором написан номер роты. К фуражке прикреплена красная звезда, ноги привязаны гетрами белого цвета. На поляне горки, окруженной лиственницами, выстроились по подразделениям ряды партизан в такой форме, с оружием.

Обводя своим взглядом отряд, Ким Ир Сен начинает свою речь:

– Товарищи!

Чтобы развернуть антияпонскую вооруженную борьбу,

разгромить японских империалистических разбойников и осуществить историческое дело возрождения Родины, мы сегодня провозглашаем создание Антияпонской народной партизанской армии.

Сегодня, говорит он, наша родная земля, растоптанная сапогами японских империалистов, полностью превратилась в их колонию; наша нация, имеющая древнюю, пятитысячелетнюю историю и славную культуру, стала колониальным рабом японских империалистов, она подвергается жестокой эксплуатации и гнету. Пусть все встанут на активную вооруженную борьбу против японских империалистов, призывает он.

Все бойцы во весь голос закричали «Мансе!», среди жителей раздался гром аплодисментов.

1 Мая, в международный праздник трудящихся всего мира, состоялся военный парад АНПА. Колонны парада впереди с красным флагом торжественно двигались по улице уездного центра Аньту. Жители посылали горячие приветствия. Гордо шествовали молодые бойцы лет 20 в новой форме, в фуражке с пятиконечной красной звездой, с блестящими на солнце винтовками.

Могучая поступь бойцов шествующих колонн вселила в народ твердую веру в победу.

Выстрел на перевале Сяоинцзылин

Ким Ир Сен, основатель АНПА, решил закалять партизан в боевом крещении.

Шла подготовка к походу партизана в Южную Маньчжурию. Однажды Ким Ир Сен обратился к начштаба Чха Гван Су с предложением: раз мы поднялись с оружием в руках, не лучше ли нам драться с врагом? Как, по-твоему?

– Бой, говоришь?

– Да! Раз создан отряд, надо начать бой... Придет время, покинуть-то покинем, но неплохо бы дать в Аньту хоть один выстрел. Не скажешь, что без боев можно закалять бойцов...

Итак, было инициировано вести в последней декаде мая бой на Сяоинцзылине.

Этот перевал лежит на промежуточном участке дороги от Аньту к Минюегоу. Дорога эта гужевая извивается вдоль ущелья. Это место очень удобно для боя из засады.

Как раз от местной подпольной организации поступила информация о том, что из Минюегоу отправились в сторону Аньту транспортные обозы войск марионеточного государства Маньчжоу-Го. На подводах – оружие и интендантские материалы. Ким Ир Сен вместе с бойцами быстрым ночным маршем прибыл на Сяоинцзылин, устроил засаду по сторонам дороги.

Для бойцов это будет первым боевым крещением, и они были охвачены волнением. Ким Ир Сен вселял в каждого из бойцов в укрытии веру в победу.

В глубокую ночь на перевале появились транспортные обозы противника из 12 подвод под конвоем солдат Маньчжоу-Го.

Первая группа в засаде пропустила головную часть обоза. Когда же следующая часть вереницы оказалась перед второй группой засады, Ким Ир Сен, поднявшись на скалу, дал сигнальный выстрел.

– Огонь!

В ущелье полно оглушительных выстрелов и криков бойцов. Застигнутые врасплох враги не могли различать своих от партизан и стреляли вслепую. Противник сдался, у него убитых и раненых было много.

Бой из засады кончился полной удачей.

Весть о том, что бойцы АНПА налетели на Сяоинцзылине на транспортную часть войск Маньчжоу-Го, командуемую японским инспектором, вмиг облетела Аньту и даже за пределы – районы Дуньхуа и Яньцзи. Везде шли оживленные разговоры о ратных подвигах партизан.

Последний облик матери

После первого боя АНПА на Сяоинцзылине однажды пришел к Ким Ир Сену в Сяошахэ его младший брат Ким Чхоль Чжу.

Какое-то предчувствие заставило его спросить младшего брата.

– Может, что-то случилось в поселке Тунцидянь?

– Нет, ничего не случилось, – ответил братишка и улыбнулся как бы нехотя.

Ким Ир Сен снова спрашивает. В ответ младший брат глубоко вздохнул и сказал, что болезнь матери, кажется, еще больше ухудшилась и уже второй день не взяла в рот ни ложки каши. В тот день сын за полночь разговаривал с матерью о предстоящем походе партизанского отряда в Южную Маньчжурию. В следующий день утром оба брата пошли в лес за дровами. В тот день вечером мать, усадив рядом старшего сына, тихим голосом говорит:

– Я, правду сказать, не думала, что тебе придется еще даже таскать на спине мешок с зерном, чтобы кормить мать. Конечно, я – больная, и это, думаю, тебя беспокоит. Я благодарна тебе за исключительную почтительность, но твой поступок меня не утешает... Тебе предстоят еще большие дела. Ты должен выполнить заветы отца. Не так ли? И еще как много корейцев, чье положение хуже моего!

После небольшой паузы она продолжает:

– Я смогу выздороветь, когда ты будешь хорошо вести революцию, оставив семью ради этого. И тебе скорее надо отправиться с отрядом. Это мое желание.

Утром следующего дня она достает четыре пятиюаневых денежных знака и подает сыну:

– Бери это с собой. В жизни на чужбине, наверно, бывает немало случаев, когда понадобятся деньги. У мужчины в кармане должны быть деньги на всякий случай.

Совершенная неожиданность. Сын взял деньги, но он довольно долго стоял, не зная, как вести себя. Он знал, какие огромные усилия матери вложены в эти деньги. Их она копила грош за грошом, занимаясь стиркой и шитьем по найму, истирая ладони и пальцы в кровь. В ту пору на 20 юаней можно было купить вола средней величины или зерна, достаточного для пропитания семьи из нескольких едоков на целый год. Сын, до глубины души тронутый заботой задушевной матери, со слезами делает шаги. Сейчас ему придется покинуть домик, но его сердце терзали думы о больной матери и младших братишках. И на минуту он обошел избу раз, другой...

И вдруг отворилась дверь комнаты, и снова слышится суровый упрек матери:

– Почему ты еще мешкаешь с отъездом? Что же беспокоит тебя? Вряд ли сможешь справиться с большим делом, чувствуя себя вот так. Ты же решил вернуть потерянную Родину. А ты, вижу, такой слабовольный, озабоченный домашними делами.

Ты должен думать о своем дяде и дяде по матери в тюрьмах, прежде чем беспокоиться о семье. Тебе надо думать о порабожденном Отечестве и о народе. Уже двадцать два года с той поры, как япошки захватили нашу страну. Если ты сын Кореи, то должен иметь твердую волю и делать крупный шаг. А коль ты хочешь и впредь посетить дом, беспокоясь о матери, не показывайся больше у этой двери. Мне не хочется видиться с таким сыном.

– До свидания, мама!

Сын низко склонил голову, а затем размашисто зашагал в сторону околицы.

Он перешел ручей по деревянному мостику, а затем оглянулся назад. Мать в белой одежде долго смотрит на уходящего сына, прислоняясь к дверному косяку. Таков был последний ее облик, запечатленный в его памяти.

С того дня Ким Ир Сен, не говоря уж о днях похода в Южную Маньчжурию, при каждом столкновении с суровыми испытаниями и затруднениями осмысливал материнский наказ того дня и продолжал идти по пути революционной борьбы.

Невозможно ли сотрудничество?

Отряд АНПА, командуемый Ким Ир Сенем, встал в поход в Южную Маньчжурию.

Прошло около месяца после того, как отряд покинул Аньту.

Пройдя через трудный путь, отряд, наконец, благополучно добрался до Тунхуа.

Городок Тунхуа, центр одноименного уезда, отдален более чем на 200 км от Фусуна в юго-западном направлении. В 1930-е годы городок был одним из центров деятельности участников движения за независимость Кореи в Южной Маньчжурии.

Летом 1932 г. земля Тунхуа бурлила горячим приветствием в адрес экспедиционного отряда. Однажды Рян Се Бон, командующий Армией независимости, посетил ночлег партизан. Поглядим, мол, с какими войсками пришел Ким Ир Сен.

Партизаны радостно встретили Ряна, и он сам был очень доволен увиденным.

А вдруг, к сожалению, нарушилась с величайшим трудом создавшаяся атмосфера теплой встречи с партизанами. Да и то сказать: командующий Рян допустил погрешность – выступил перед бойцами с недостойной речью.

– Чтобы достигнуть независимости Кореи, – сказал он, – не надо заниматься делишками в пользу врага. А сейчас вижу, коммунисты помогают противнику. Так, они идут в деревню – натравливают хлебобобов на драки с помещиками. Даже в семье заставляют мужа и жену драться между собой. И еще: чуть что шумят: «Экспроприация!», «Долой!» и так далее. Так они сеют семена вражды в среде соотечественников и ставят барьеры недоверия.

Партизаны явно возмутились его речью. Рян не на шутку рассердился, не хотел отказаться от своей мысли.

– Знаете, командующий! Мы же не такие люди. Мы не помогали противнику. Мы боремся за освобождение корейской нации, боремся за интересы трудящихся масс.

Ким Ир Сен, конечно, не думал, что в один прекрасный день исчезнет у Ряна вражда к коммунистам.

Итак, не была выполнена поставленная перед отрядом актуальная задача по осуществлению сотрудничества. И отряду АНПА пришлось отправиться от Тунхуа во избежание столкновения с Армией независимости. В рядах отряда царил мрачная атмосфера.

Однако Ким Ир Сен, уходя из Тунхуа, не торопился сделать вывод, что сотрудничество с Армией независимости невозможно.

Поход в Южную Маньчжурию

Под личным командованием великого вождя главный отряд АНПА совершил этот экспедиционный поход с июня по август 1932 г.

Очередная цель похода того времени – создать совместный фронт с отрядами Армии независимости, командуемой Рян Се Боном, в бассейне реки Амнок и вместе с тем, поддерживая связи с вооруженными отрядами в Южной Маньчжурии, сеять среди широких слоев населения семена революции и создать в этом районе массовую базу для вооруженной борьбы. Другая цель – образовать объединенный фронт с китайскими анти-японскими отрядами и быстро расширять, укреплять только что созданную АНПА как в количественном, так и в качественном отношении.

Наоборот, он не терял надежду: непременно настанет пора, когда командующий Рян поймет его искреннюю душу и будет стучать в дверь сотрудничества.

Разве что впоследствии произошло?

Когда судьба Армии независимости обречена на гибель, ее командующий Рян сказал своим подчиненным.

– Я умираю, не могу продолжать сопротивления япошкам. Но вы, мои солдаты, будьте живы и пойдите к Командующему Ким Ир Сену. Это ваш путь к жизни. Иного выхода к выживанию у вас нет!

Так он завещал им и закрыл глаза.

Через 4 года по его заветам более 300 бойцов Армии независимости, приветствовавшие в городке Тунхуа отряд АНПА, присоединились к ней, перестроенной в КНРА, в районе гор Пэкту.

Восхищение китайского старика

Это было в августе 1932 г. Однажды Ким Ир Сен с отрядом, проходя через Сясяошахэ в уезде Аньту, увидел в горном ущелье уединенную избу и решил ночевать одну ночь в этом доме.

Хозяином дома был китайский старик Люй Сювэнь. Он был очень страстным человеком. Хозяин обратился к Ким Ир Сену со многими вопросами и сказал, что из погибших корейских

патриотов самой уважаемой личностью является Ан Чун Гын.

– А как вы так хорошо знаете об Ан Чун Гыне, ведь вы же не кореец? – спросил Ким Ир Сен.

– А кто его не знает из населения Маньчжурии?! Недаром кто-то предложил воздвигнуть статую Ан Чун Гына на вокзале Харбина. И ныне я своих детей постоянно учу: хочешь стать революционером, то будь таким, как Сунь Ятсен, а хочешь стать настоящим мужчиной, то будь таким, как Ан Чун Гын. Уважаемый командир Ким! Раз вы создали отряд, то не сможете ли справиться с такими крупными птицами, как командующий Квантунской армией?

Ким Ир Сен улыбнулся в ответ на такие простодушные слова собеседника.

– Из-за чего, да и зачем ликвидировать такого одного, как командующий Квантунской армией? Убили Ито Хиробуми, появился новый Ито Хиробуми! Убьешь Хондзё, появится новый Хондзё. Террором дело не сделаешь.

– Тогда скажите, уважаемый командир, каким же способом вы собираетесь бороться?

– Говорят, Квантунская армия насчитывает 100 тысяч штыков. Вот я и решил бороться против этих 100 тысяч штыков.

– Командир Ким! Вы, действительно, молодец! Не кто иной, как вы, уважаемый командир, и есть Ан Чун Гын!

Ким Ир Сен с улыбкой на лице говорит:

– Вы меня слишком расхваливаете, я не стою того, чего стоит Ан Чун Гын. Но я решил отказаться жить рабской жизнью.

Китайский старик не скрывал своего восхищения большим дерзанием, высоким порывом Ким Ир Сена.

Антияпонскую борьбу – до конца!

В один из первых дней января 1933 г. Ким Ир Сен получил от подпольщика из района Лаохэйшаня неожиданную информацию.

О том, что японская военщина начала карательные операции против китайского антияпонского отряда Ван Дэлиня в районе Лоцзыгоу, и что крупный контингент его отряда, избегая огневой завесы японских войск, откатывается в сторону советско-маньчжурской границы, подобно опавшим осенью листьям, погнанным вихрем. И о том, что немало китайских антияпонских отрядов уже вошло в Дуннин и некоторые из них сложили оружие перед противником или превращаются в группы местных бандитов.

Ким Ир Сен решил немедленно пойти со своим отрядом в район Лаохэйшаня. Это было, правду сказать, опасным делом: туда были направлены большие карательные силы противника.

Отряду пришлось совершить поход в лютые морозы (зимняя температура колебалась на рубеже минус 40 градусов) и пройти в сугробах по пояс. На дорогах кишмя кишели вражеские солдаты. В небе кружился самолет противника, разбрасывая листовки с предложением сдаться. Через несколько

дней отряд добрался до лесной поляны, откуда виднеется Лаохэйшань.

Ким Ир Сен посещает находящийся вблизи один из китайских антияпонских отрядов и обращается к его командиру с добрыми словами, что он, смело поднявшись на борьбу против японских оккупантов, за спасение Отечества, на славу сражается.

Сейчас японские агрессоры, говорит он, глубоко протягивают свои щупальца на всю территорию Маньчжурии, даже во Внутренний Китай. Везде, куда ступает их нога, они зверски убивают китайцев, варварски разрушают и грабят замечательные памятники, реликвии культуры китайского народа.

... Во всех районах, куда протягиваются агрессивные щупальца японских империалистов, мощно разгорается пламя борьбы народа против них. Урок истории учит: если весь народ, преодолевая встречающиеся трудности и испытания, поднимется на борьбу, то он сможет разгромить любых агрессоров. Будем настойчиво бороться на совместном фронте против империалистов Японии...

После этого тот китайский командир, свято храня доверие, оказанное ему Ким Ир Сеном, продолжал свою антияпонскую борьбу даже во время, когда другие вожаки антияпонских отрядов удрали во Внутренний Китай через территорию СССР.

Мышь в чане

Закончив работу с китайским антияпонским отрядом в районе с горой Лаохэйшаня, Ким Ир Сен к середине февраля 1933 г. вернулся с отрядом в Яоингоу.

Местные жители угощали партизан паровыми хлебцами из проса и кукурузе (лапша) из гречихи. Вечером дали свой концерт члены Детского отряда. Устроены и увеселительные мероприятия с участием партизан и местных жителей.

В разгаре шли массовые увеселения. Ким Ир Сену доложили, что завтра японский гарнизон начнет карательную операцию против партизанского района. Ким Ир Сен не известил бойцов о полученной им информации, посланной из района, контролируемого противником, пока не возвращались партизаны в казармы после окончания увеселительных мероприятий.

Что касается Яоингоу, то это природная крепость, окруженная крутыми горами высотой в 500 – 800 м над уровнем моря. Склоны гор обрывистые, в горах много было камней. К тому же Дасингоу, логовище противника, отдалено более чем в 16 км на юго-западе от Яоингоу. Стало быть, до прибытия до партизанского района противнику пришлось бы проехать через крутую горную местность с ущельем, по которому лежало узкое шоссе.

Ким Ир Сен решил именно здесь, на дороге, до прибытия врагов до партизанского района, наголову разбить всех неприятелей.

Он со своим отрядом поднялся на Сишань в Дабэйгоу, что может считаться воротами в Яоингоу.

Под его командованием партизаны под покровом ночной тьмы заняли засадные места. Они вырыли замерзшую землю для сооружения боевых позиций. Бойцы, собрав поблизости каменные глыбы, готовились обрушить на головы врагов шквал камней.

Забрезжило. На узкой дороге между рекой и утесами появились несколько вражеских грузовиков с карателями. Машины противника, как говорится, без сучка, без задоринки вошли в зону засады.

Противник похож на мышью в чане. Десятки врагов были убиты и ранены. На следующий день враги, подняв на ноги все свои силы, напали на Яоингоу, но им пришлось показать пятки, оставив за собой груды трупов.

Так прошел первый бой АНПА в партизанском районе в местности Цзяньдао.

Без какого-либо различия

В феврале 1933 г. Ким Ир Сен с главным отрядом АНПА прибыл в деревню Мацунь в Сяованцине. Здесь он расположил Ставку Командования революции.

Партизаны и жители Ванцинского партизанского района охвачены радостью встречи с молодым Полководцем Ким Ир Сенем.

В первую минуту встречи с ним внимание жителей было обращено на его военную форму: она слишком проста и скромна.

И бойцы партизанского швейного отряда начали шить для него отдельно новую форму из самой хорошей ткани.

Об этом узнал Ким Ир Сен. Однажды он был в швейном отряде. Он сурово говорит: почему вы взялись за такое дело, даже не спросив меня об этом? Ведь незачем мне одеться в военный мундир, сшитый из такой высококачественной ткани. Знаете, мне пуще всего противно материальное поощрение. Сшить мне военную форму из другой ткани нельзя. В нашей революционной армии, конечно, бывают разные задачи по служебным должностям, но дисциплина одна.

Командиры от души говорили:

– Знаете, это искреннее желание народа. Просим согласиться с этим хоть разок.

Но он категорически отказал им в просьбе. Ничего не подлаешь. Швеям пришлось сшить ему военную форму из простой

бязи – такую, в какую одеваются рядовые. Настал день, когда все бойцы отряда одеваются в новую военную форму. И Ким Ир Сен, получив ее, говорит: вижу, одежда сшита отлично. Вот я в такой форме, в какой все бойцы. И приятно видеть ее, и спокойно у меня в душе. Мне хорошо одеваться так одинаково, как у всех бойцов. Оденусь я в эту военную форму как в военную форму для революции, подаренную народом.

Так он в долгие дни антияпонской революции был в такой простой военной форме наравне с рядовыми, жил вместе с ними, ничем не отличаясь от них.

Плата за потерянный топор

В первой декаде марта 1933 г. Ким Ир Сен со своим отрядом остановился в деревне Ляншуйчуаньцзы неподалеку от реки Ту-ман. Он был в доме, хозяином которого был китайский старик.

Ким Ир Сен каждый день поднимался ни свет ни заря раньше, чем хозяева дома, чисто прибирал комнату и двор, а потом носил из замерзшей реки ведрами воду, заполняя доверху огромный чан.

Однажды ранним утром он, прихватив топор, начал пробивать прорубь на реке. В тот день стояли такие сильные морозы, что лунка была закрыта необычным толстым слоем льда. В самый разгар работы выпал с рукоятки топорик и упал в воду. Ким Ир Сен долго обшаривал дно реки длинным шестом с

крюком, но поиски не давали ничего утешительного: глубина воды реки была большая.

Упавший на дно топор, видимо, зарылся в ил на дне реки, и его так и не удалось найти.

Он щедро заплатил хозяину за утерянный топор и несколько раз просил прощения. А старик наотрез отказался взять деньги. И Ким Ир Сену стоило большого труда уговорить его все же взять деньги за утонувший топор.

Щедро было заплачено за топорик, но он все же никак не мог забыть об этом случае.

С тех пор протекло много воды. В мае 1959 г. на Северо-Восток Китая отправилась группа экскурсантов по местам боевой славы, связанным с антияпонской вооруженной борьбой. В то время он обратился к ним с просьбой: если вы встретитесь с этим стариком в Ляншуйчуаньцзы, то еще раз за меня попросите у него извинения.

2. НА ОПОРНЫХ ПАРТИЗАНСКИХ БАЗАХ

- 28 || **Первое народно-революционное правительство**
- 30 || **Посланец из Коминтерна**
- 33 || **Оружейная мастерская в тайге**
- 35 || **Командующий – тоже сын народа**
- 36 || **Возвратиться назад, чтобы платить за картофель**
- 37 || **Искорка всенародной обороны**
- 39 || **Боевая операция по дезорганизации вражеского стана**
- 42 || **Переформирование АНПА**
- 44 || **Звуки губных гармошек на земле Северной Маньчжурии**
- 46 || **«Песня об антияпонской войне»**
- 49 || **Семья старика Чо Тхэк Чжу**
- 51 || **Любите человека**
- 55 || **Причина ликвидации партизанского района**

Первое народно-революционное правительство

После походов в Южную и Северную Маньчжурию Ким Ир Сен вернулся с отрядом в Ванцин. Его ждала нерадостная весть: отовсюду в партизанских районах звучали голоса, полные недовольства мероприятиями советов.

Дело было в том, что леваки не сплачивали воедино антияпонски настроенных людей, а наоборот, толкали их в стан противника.

В то время отщепенцы левацкого толка прибегали к безрассудству: они, не говоря уж о помещичьей земле, конфисковали земельные угодья кулаков и даже крестьян-середняков. И большая масса людей, разочарованная «революцией», покинула опорные партизанские базы. Леваки холодно относились даже и к людям с революционными настроениями, пришедшими на опорные партизанские базы с желанием кровью отомстить японским самураям за убитых родителей, братьев, сестр, жен и детей. И эти люди, обиженные акциями леваков, были вынуждены уйти из революционных рядов.

Ким Ир Сен убедился в том, что в партизанских районах Восточной Маньчжурии, где нужно выполнять задачи антиимпериалистической и антифеодальной демократической революции, совет является не соответствующей реальной действительности формой власти. И он твердо решил коренным образом изменить форму властной структуры и проводить политику, соответствующую интересам и желаниям населения.

И ему однажды довелось принять участие в собрании, где избираются представители народно-революционного правительства 5-го участка. Он беседовал с крестьянами из Гаяхэ — их было около 20 человек.

— Мы решили вместо совета создать новое правительство. А оно должно быть таким правительством, которое выражает вашу волю. Какое правительство вы хотите?

— Прошу установить такое правительство, которое даст нам, простым людям, жить со спокойной душой. Больше ничего не хотим.

Он провозгласил, что создается народно-революционное правительство вместо советского. Оно станет подлинно народным правительством. И он заявляет:

— Это правительство будет представлять и защищать интересы всех людей, любящих свою Родину и наших соотечественников, поможет реализовать их заветные мечты. Какие у вас чаяния? Владение землей, право на труд, обучение детей, равноправие всех людей... Все это будет достигнуто благодаря народно-революционному правительству.

Он разъяснял жителям Гаяхэ линию на установление народно-революционного правительства. Они целиком и полностью поддерживали его начин.

До проведения церемонии провозглашения рождения этого правительства он уже принял меры по возвращению всего личного преимущества, конфискованного советским правительством, его хозяевам.

В тот день на собрании он выступил с речью о том, что народно-революционное правительство есть подлинно народная власть.

В поселках партизанских районов это правительство создало школы Детского отряда, ввело бесплатное обучение детей. Оно позаботилось о том, чтобы все жители пользовались бесплатным медицинским обслуживанием в больницах партизанского района, построенных в Лишугоу и Шилипине.

Один за другим снова начали возвращаться в партизанские районы те, которые раньше ушли во вражеские районы, чтобы не быть жертвами левацких советских мероприятий. Партизанский район вновь стал большой дружной семьей, члены которой верили друг другу, опирались друг на друга, любили друг друга. Царила в нем атмосфера жизни – начали раздаваться радостные голоса улыбающихся людей.

Посланец из Коминтерна

К апрелю 1933 г. пришел к Ким Ир Сену в гости человек среднего возраста, одетый в дабушаньцзы (китайская национальная одежда мужчины – ред.).

Вежливый, солидный – эти качества особо подчеркивали как его наряд, так и поведение. Он, заметив Ким Ир Сена еще издали, улыбаясь, поднял руку над головой в знак приветствия.

Незнакомец так близко с радостью приближался к нему, что гость казался ему старым другом. Этот мужчина был посланцем из Коминтерна Пань Шэнвэй.

Ким Ир Сен жил вместе с ним более десяти дней, беседовал с ним о многих вопросах. За эти дни они стали близкими друзьями.

Беседа, начатая с биографии и семейного житья-бытья, пере-

шла на политическую тему.

Ким Ир Сен проинформировал Паня об усилиях корейских коммунистов, направленных на реализацию решений Коминтерна, а потом выяснил свою позицию, свой подход к линии и директивам Коминтерна.

У нас, сказал он, есть кое-что сказать о принятых Коминтерном мерах. В прошлом Коминтерн объявил роспуск Компартии Кореи. Тогда мы приняли эту весть с большим сожалением. Если говорить о фракционности, то она дает себя знать не только среди корейских коммунистов. Игрой с «картофельной» печатью занимались и члены Компартии Индокитая и других партий. Не так ли?

На лице Паня напряженность сменилась чем-то вроде удивления.

– Да, Компартия Кореи объявлена распущенной, а Компартия Индокитая не только не распущена, но продолжает здравствовать. В чем здесь причина? А дело в том, что в Коминтерне заседала такая выдающаяся личность, как Хо Ши Мин. Он выступал в качестве представителя Индокитая. В то же время в рядах коммунистического движения Кореи не было столь авторитетного деятеля, который заслужил бы признание Коминтерна, не было и руководящего ядра в партии.

Ким Ир Сен прекрасно понимал ответ Паня, что отсутствие руководителя мирового уровня, достойного признания Коминтерна, окончательно повлекло за собой роспуск Компартии Кореи.

Мы непременно должны создать, сказал он, свою Компартию. Не стремиться корейцам восстановить свою партию все равно что отказаться от корейской революции. Так надо рассма-

тривать дело. Мы не должны стать таким сбродом, который зря тратит время, живя в чужом доме с оглядкой на других.

– Исходя из такой позиции, – продолжал он, – мы уже три года назад выдвинули новый курс – курс на основе партии по методу «снизу вверх»: создать в первую очередь низовые парторганизации, потом добиваться их укрепления и расширения. И надо сказать, что мы уже успели основать парторганизацию, названную Союзом товарищей Консор.

Пань Шэнвэй снова сделал большие глаза: «Союз товарищей Консор?..»

Ким Ир Сен подробно объясняет собеседнику с недоумевающим взглядом об историческом процессе рождения первой парторганизации в Калуне и о различных незабываемых эпизодах, которые были в дни ее создания и расширения.

Пань внимательно прислушивался к его словам.

Настал день прощания, посланец из Коминтерна говорит:

– В моей голове на всю жизнь останется память о вас, товарищ Ким Ир Сен. Очень рад, что я в Ванцине познакомился с вами, товарищ Ким Ир Сен!

– Я тоже. Счастлив, что встретился с вами, товарищ Пань. Честное слово, мне не хочется расставаться с вами.

Пань крепко сжал ему руку и говорит:

– И мне расставаться не хочется. Закончив эту поездку, хочу переселиться с женой в Восточную Маньчжурию и работать вместе с вами рука об руку. Я уже староват в известной мере... Прошу вас, будьте «Хо Ши Мином» Кореи!

Произнеся эти слова, Пань Шэнвэй покинул Ванцин.

Оружейная мастерская в тайге

В Мацуне Ким Ир Сен придавал особое большое значение работе оружейной мастерской и велел партизанам прилагать огромные усилия для ее налаживания.

И они собрали наковальни, кувалды, молоты, щипцы, напильники и другие кузнечные инструменты. Они использовались для создания в ущелье Мацуня небольшой металлической мастерской, которая впоследствии называлась «Мацуньской» или «Сяованцинской» в тайге.

В то время почти все ее работники не имели никакого опыта обращения с металлом, а о ремонте оружия и говорить не приходилось. Словом, они были новичками, не сведущими в технике.

Однако они прониклись твердой верой в то, что опора на собственные силы – путь к жизни, что решающий стимулятор развития революции – проявление максимума своих сил. Исходя из подобной позиции, они взялись за дело оружейного производства.

Итак, оружейные мастерские в тайге партизанского района начали изготавливать самодельные гранаты и, не говоря уж о ремонте пистолетов и винтовок, даже без особого труда выпускали порох для самодельных гранат.

Процесс производства пороха постоянно сопровождался опасностями. Порой оружейникам приходилось и расставаться с жизнью. Самой большой опасностью грозила им зарядка пороха в гранаты и в гильзы. Но, несмотря на такую опасность,

они не уходили с работы.

Изготовление пороха привело к крутому перелому в производстве оружия, и сразу же умножилось количество производимых гранат. Их изготавливали путем присоединения огнепроводного шнура к жестяной банке. Консервная банка использовалась в большинстве случаев в качестве корпуса гранаты. Консервные банки собирали и присылали в мастерскую подпольные организации, действовавшие в контролируемых врагами районах и в полупартизанских районах. В банку вкладывали трубку с порохом, а в пространство между внешней оболочкой и трубкой помещали осколки от лемеха или чугуна, затем присоединяли к ней запал. Это и была граната.

Первая граната, изготовленная оружейниками мастерской, называлась «звуковой». Позже она превратилась в «гранату с перцем», которую трансформировали в мощную гранату, называемую «ёнгирской». И все же эта самодельная граната обладала большой разрушительной силой, которая не шла ни в сравнение с простой ручной гранатой. Поэтому при одном упоминании о партизанской гранате враги дрожали от страха.

С появлением пороха создалась на опорных партизанских базах возможность изготовить деревянные пушки. Когда революционная армия стреляла из деревянной пушки, враги не знали, что это за гул, и не на шутку растерялись.

В то время в оружейных мастерских партизанских районов почти не было современных машин и инструментов. Оружейники пили напильником, точили на точильном камне, ковали молотом, погружали металл в огонь, в воду и в глину. Так они ремонтировали и гильзоулавливатель, и ударник. Позже умело восстанавливали поврежденный пулемет.

Опыт оружейного производства, накопленный в первой половине 1930-х годов на опорных партизанских базах, точно применялся, наследовался и развивался в оружейных мастерских, созданных во второй половине 1930-х годов на Пэктусанских опорных базах.

Командующий – тоже сын народа

В начале апреля 1933 г. один из партизанских отрядов, командуемый лично Ким Ир Сенем, остановился на привале у крестьянской избы возле деревни Ляншуйчуаньцзы неподалеку от реки Туман.

В отряде был раненный боец. Партизаны хотели положить его в теплой комнате избы. И они стали звать хозяина дома, но ответа не последовало.

Ким Ир Сен снял с себя шинель и укрыл ею раненного бойца, а затем, взяв топор, начал колоть дрова для этого дома. Все бойцы последовали его примеру. Одни чистили двор от снега, другие подносили дрова с горы и спешили готовить еду.

Старым супругам еще ни разу не довелось увидеть такую армию. И они думали, что это японские войска, и укрывались в углу комнаты. Увидев картину во дворе, они спешно вышли.

Ким Ир Сен, почтительно называя хозяина дома дедушкой, угощает его табаком и интересуется жизнью его семьи. Эта изба, вижу, говорит он, дом старого крестьянина, а почему же дома не выращивается ни одна курица, почему холодной зимой у детей нет меховых шапок?

Хозяин дома сетует на свою судьбу. Ким Ир Сен доходчиво

объясняет ему: не судьба корейцам и китайцам так бедно жить, как вы, дедушка.

Причина в жестокой нечеловеческой эксплуатации, в грабеже со стороны японских империалистов и помещиков. У нас путь к счастливой жизни – только в том, чтобы бороться против империалистов Японии.

Перед уходом отряда Ким Ир Сен дает хозяину дома деньги на помощь его хозяйству. Лишь тогда старику стало ясно, что он, не кто иной, как Полководец Ким Ир Сен. Старик не мог скрывать своего удивления и говорит:

Как же Командующему колоть дрова?

Ким Ир Сен, улыбаясь, говорит: я тоже сын народа. И я должен уметь делать все, что делает народ...

Возвратиться назад, чтобы платить за картофель

В последние дни апреля 1933 г. в Ванцинском партизанском районе ощущалась острая нехватка продовольствия.

И на приобретение продовольствия были направлены два бойца. Усиленная охрана противника не дала им выполнять полученную задачу. Возвращались они с пустыми руками. И тут им в голову пришла мысль – идти на убранное картофельное поле и копать замерзлую землю, чтобы достать хотя бы остатки картошек. Им, к счастью, удалось там найти чей-то картофельный погреб. Они хотели найти хозяина погреба, но им казалось это дело безнадежным, да и невозможным. И каждый из них, неся на спине мешок картофеля, вернулся в партизанский район.

Об этом факте узнал Ким Ир Сен. Он тут же велел привести их к себе. Знаете, говорил он, в нашей партизанской армии действует одна строгая дисциплина, которую в любой трудной ситуации и обстановке следует соблюдать. Это именно революционная дисциплина в работе с жителями. Хотя нам придется умереть с голоду и замерзнуть в морозы, но нам ни в коем случае нельзя трогать имущество населения. Это непреложный закон для нашей партизанской армии, которая состоит из детей народа и борется за его интересы. Если мы, ссылаясь на какие-то трудности с продовольствием, будем трогать имущество народа, то как же нас назвать армией для народа, революционной армией? И поэтому при создании Антияпонской народной партизанской армии мы в название партизанской армии включили слово «народная» в смысле того, что нам ни на минуту нельзя забыть о народе. Более того, был выдвинут революционный лозунг: «Как рыба не может жить без воды, так и партизанская армия не может существовать в отрыве от народа».

Два бойца раскаялись в своих проступках. Ким Ир Сен велел им найти владельца картофельного погреба и щедро заплатить ему за картофель и просить у него прощения.

Прошло долгое время. Двум бойцам, наконец, удалось найти хозяина погреба картошки, принес перед ним извинения и щедро платил ему за картофель.

Искорка всенародной обороны

Это было однажды в 1933 г. Ким Ир Сен получил информацию о том, что предусматривается крупномасштабная вражеская

карательная операция против Сяованцинского партизанского района. И он размышлял о плане будущих боевых действий.

К полночи к нему пришел самый старший в партизанском районе старик. Его сын погиб в бою в районе партизанских действий.

Старик сказал, что Ким Ир Сен на днях очень плохо выглядит, и пригласил его на ночную трапезу. И он не стал отказываться.

После ночной трапезы он вместе со стариком улегся спать в комнате.

А хозяин дома почему-то не засыпал, а все время вздыхал.

– Почему вы, отец, все время вздыхаете?

Ким Ир Сен обернулся к нему лежа на боку.

– Не спится, сынок. Враги буквально у ворот партизанского района. Многие тысячи солдат на позициях. Право же, не до сна. Ходят слухи – будет конец партизанскому району при предстоящем погроме. Что ты по этому поводу думаешь, командир?

Ким Ир Сен говорит: такие слухи – дело рук провокаторов. Но если мы не подготовимся к сражениям всерьез, то, возможно, нам трудно будет воевать. И я тоже не могу заснуть.

– Не может быть такого. Как это можно говорить о гибели партизанского района? Без него у нас жизнь не жизнь. Лучше умрем, и бог заберет нас, или сами ляжем в гроб.

– Вы правы. Лучше лечь костями, но только здесь, на опорной базе. А скажите, отец, как нам быть? Врагов-то несколько тысяч, а обороняет Сяованцин совсем мало бойцов – поменьше одной сотой части врага...

Старик несколько раз подряд глубоко затянулся самокруткой и, вплотную придвинув к Ким Ир Сену подушку, проникновенно говорит:

– Если не хватает бойцов, то я тоже буду твоим солдатом. У нас в Ванцине не один, не два таких старика, как я. Все мы умеем стрелять.

Далее старик продолжает свой рассказ: дай каждому ружье – все вполне будут сражаться. Там, где раньше мы жили, помнит-ся, зарыли бойцы Армии независимости ружья и боеприпасы. Если найдем их, то сможем вооружить ими всех остальных – и охотников, и стариков – бывших бойцов этой армии, да и всех молодых людей. Не так ли?

Слова старика подсказывали, что только всенародное сопротивление представляет собой единственный выход из наступивших трудностей. Беседа со стариком придала ему силы. «Да, если народ решится идти в бой, то мы вполне сможем бороться. И если он будет уверен в победе, то мы обязательно победим. Исход войны зависит от воли народа, от умения мобилизовать его силы!»

Такова была искорка всенародной обороны, найденная вновь великим Ким Ир Сенем.

Боевая операция по дезорганизации вражеского стана

Вступая в 1934 г., стал более жарким бой за оборону Сяованцинского партизанского района (Мацуньская боевая операция).

Противник задыхался в серии жестоких поражений, но все же цепко и настойчиво цеплялся за захваченное, замыслил разыграть карту «затяжной войны». Цель у него была ясна: заменить людей опорной партизанской базы в ловушку затяжной бойни, чтобы они умерли от голода и холода – ведь им неоткуда

было взять личный состав, оружие и продовольствие.

Ким Ир Сен решил: одновременно с обороной партизанского участка проводить в стане противника действенные боевые операции с целью дезорганизации в глубине его тыла.

Однако в то время отдельные работники уездного комитета партии придирчиво твердили:

«Враги атакуют – а армия уходит за ворота партизанской зоны. Ведь это же логично? Что станется с судьбой народа, лишь бы уцелела армия – такова идея?»

Ким Ир Сен отверг их утверждения. Сейчас враг, сказал он, замышляет вести затяжную войну. Так что при любом объединении наших сил, все равно их недостаточно для того, чтобы справиться с противником. И вот мое предложение – вести бои за дезорганизацию в тылу врага. Будем эвакуировать жителей в разные места. Пусть партизанский отряд, разделившись в несколько групп, дезорганизует тыл противника. Например, допустим, в его тыл пойдет десяток вооруженных партизан. В таком случае к нему присоединятся 30 – 40 молодых людей без оружия. Если они в тылу врага определят уязвимое место противника и будут непрерывно наносить по нему удары, то положение у нас изменится...

Сказанному им люди удивились, но колебались с ним согласиться. Ким Ир Сен говорит:

– Кто готов пойти во вражеский район? Желаящие, пожалуйста, за мной. Много людей не требуется. Пусть половина отряда пойдет в тыл противника, а остальная половина останется в партизанском районе для защиты населения. Те, которые готовы идти во вражеский тыл, прорвут вместе со мной кольцо окружения сегодня же ночью.

И он разделил партизанский отряд на две группы. Одна из

них осталась в партизанском районе защитить его, а другая под его командованием ушла в район, контролируемый врагом.

Вражеский тыл, как он предполагал, был пуст.

Под первым партизанским ударом оказался враг в Ляншуйчуаньцзы.

Молниеносным налетом партизан были разгромлены войска марионеточного государства Маньчжоу-Го и отряд самоохранны, полностью взята казарма полиции японского консульства.

Так прогремел в Ляншуйчуаньцзы выстрел первого боя по дезорганизации вражеского тыла. Потом партизаны делали вид, что уходят куда-то далеко, а на самом деле возвращались на свое прежнее место. Они в Синьнаньгоу внезапным налетом уничтожили передвигающуюся автоколонну противника и захватили немало трофея – пшеничной муки и различных военных материалов.

После этого отряд под командованием Ким Ир Сена быстро двинулся в горы Бэйфэнвудуна, что довольно далеко от Синьнаньгоу, и готовился к очередному бою. Немного погодя отряд снова совершил налет на марионеточные войска Маньчжоу-Го, полицейских и бойцов отряда самоохранны в Бэйфэнвудуне. После славной победы там партизаны двинулись в направлении Сыдуна. Отряд атаковал лесную полицию противника в Восточном ущелье. Все полицейские были убиты. Везде и всюду враги поднимали отчаянные вопли. Противник, совсем растерянный боевыми операциями по дезорганизации его тыла, проведенными под командованием Ким Ир Сена, был вынужден, наконец, вывести свои войска из партизанского района.

Победой увенчался бой за оборону Сяованцинского партизанского района, длившийся несколько десятков дней.

Переформирование АНПА

После боя за оборону Сяованцинского партизанского района Ким Ир Сен задумывался о многом.

Встал вопрос об установлении единой системы командования партизанскими отрядами.

При подведении итогов боевой операции в Мацуне комроты Хан Хын Гвон рассказывал более страстно, чем сами командиры, участвовавшие в бою на территории Сяованцина.

По его словам, во время Мацуньской боевой операции его рота получила задание сковывать противника, когда он вторгнется в Восточную Маньчжурию через перевал Лаоелин. Однако роте за это время почти не довелось вступить прямо в бой с врагом и, естественно, рота ничего не смогла сделать в поддержку главных сил. Короче говоря, суть дела была в том, что когда противник совершил налеты на опорную партизанскую базу, его рота должна была наносить удары по противнику с тыла, но она не могла сделать этого, да и не имела возможности предпринять подобные действия.

То же самое можно было сказать об уезде Хэлун.

Карательная операция врага против Юйланцуньской опорной партизанской базы началась в первые дни ноября 1933 г. Она примерно на полмесяца опередила атаку на Сяованцинскую. Если бы в то время партизанские отряды других уездов во взаимодействии ударили бы по противнику с тыла, то партизанскому отряду Юйланцуня легче было бы воевать.

О чем говорит все это? Безусловно, о том, что если были

бы единая система командования и соответствующий штабной аппарат, позволяющие осуществить унифицированное управление партизанскими отрядами всех уездов и участков, то все партизанские формирования могли бы координировать свои действия и вели бы бои более активно и легко, так как противник в разные по времени периоды начал карательную операцию против того или иного партизанского района.

Однако к тому времени не было обеспечено единое командование партизанскими отрядами всех уездов, поскольку каждый партизанский отряд подчинен военному отделу в данном уезде.

Короче говоря, партизанское движение потребовало нового механизма, соответствующего его содержанию и масштабу.

Самый короткий путь к реализации этого требования – в объединении отрядов АНПА и переформировании их в крупную революционную армию.

В один из мартовских дней 1934 г. Ким Ир Сен созвал в Мацуне совещание военно-политических кадров АНПА, на котором он выступил с исторической речью «О перестройке Антияпонской народной партизанской армии в Корейскую Народно-революционную армию».

В своем выступлении он, остановившись на необходимости этого дела, подробно осветил все вопросы вплоть до установления организационной системы КНРА и системы партийных структур в ней.

И, наконец, АНПА была преобразована в КНРА.

Звуки губных гармошек на земле Северной Маньчжурии

В середине сентября 1934 г. Чжоу Баочжун и другие командиры антияпонских вооруженных отрядов в Северной Маньчжурии обратились к КНРА за помощью.

И в последней декаде октября под личным командованием Ким Ир Сена начался 1-й поход в Северную Маньчжурию. Первый экспедиционный отряд вступил в пределы Северной Маньчжурии. Увидев его, люди Нинаня вначале оторопели: какая это Корейская Народно-революционная армия? Увидят местные жители хотя бы издали ее бойцов, – а они были в матерчатых гетрах и в солпхи (приспособление для передвижения по глубокому снегу, надеваемое на обувь. Делается из соломенных веревок, проволоки и т. п. – ред.), – сразу шепчутся:

– Вот она, «корёская красная армия», пришла!

И тут же, ни о чем не задумываясь, прячут в домах детей и молодых девушек, а двери запирают на засов.

Было понятно, как яростно раскручивали япошки маховик антикоммунистической пропаганды среди населения.

Холодное отношение жителей к партизанам было немислимо на восточноманьчжурской земле. А здесь совсем иная картина.

Ким Ир Сен глубоко думал, каким образом открыть двери в сердца местных жителей. И вот у него в голову пришла мысль об общении с местными жителями.

И он велел всем ротным политрукам пригласить в штаб тех,

кто умеет мастерски играть на губной гармошке.

Когда все они собрались, он предложил каждому из этих «музыкантов» показать свое виртуозное мастерство.

Боец из Яньцзиской роты так великолепно играл, что слушатели азартно двигали бы своими плечами в такт музыки. Он даже извлекал звуки, напоминающие ансамблевые исполнения аккордеонистов.

Ким Ир Сен затем велел одному ротному политруку с этим ансамблем гармонистов попробовать трогать струны сердец местных жителей.

И попросил секретаря участкового парткома задействовать подпольщиков для закупки губных гармоник.

Ансамбль партизанских музыкантов начал свою деятельность с уборки снега во дворе дома, находившегося посреди села. В довольно просторном дворе поставили часового. Затем начали концерт. Первым номером выступления был дуэт мастеров губной гармошки. Привлеченные интересным зрелищем, подбежали к ограде два-три мальчугана, крутивших до этого волчок в соседнем переулке. Из других переулков тоже заспешили на увеселение мальчишки, подтягивая штаны.

Два «музыканта», исполнявшие песню «Все на решительную борьбу», быстренько переключились на детские мелодии – исполнили «Песню о детях» и «Докуда пришел?»

Детишки, очарованные залиvistыми звуками губной гармошки, начали подпевать, хлопая в ладоши. Несколько детей побежали по улицам и переулкам, по домам и громким голосом оповещали:

– Смотрите, «корёская красная армия» из Цзяньдао! Танцуют!

И начали появляться и взрослые. Вначале они подходили по-

ближе ко двору и стали с любопытством разглядывать «шутов» из «корёской красной армии».

Когда собралось 40, а то и целых 50 зрителей, группа гармонистов начала играть «Ариран».

Эта мелодия-то, к удивлению, собрала все село. Толпа все увеличивалась: вначале было сто, а затем двести и, наконец, триста человек.

В этот самый момент бойцы революционной армии перешли на политическую пропаганду. После этого открылась совсем непредвиденная картина: с того дня нинанцы, не открывшие раньше свою душу партизанам, начали относиться к бойцам экспедиционного отряда как к дорогим гостям.

«Песня об антияпонской войне»

Шли дни января 1935 г. После успешного свершения 1-го похода в Северную Маньчжурию Ким Ир Сен возвращался в партизанский район. В то время он вблизи перевала Тяньцяолин схватил сильную простуду, и ему пришлось слечь.

Издrevле мудрецы говорили: от простуды можно избавиться, выпив чашку меда и пропотев на теплом полу. Однако, находясь в безлюдной местности на высоте свыше 1000 метров над уровнем моря, о таком «рецепте» нечего было даже мечтать.

К тому же враги с бешеной яростью преследовали партизанский отряд, оставляя за собой много трупов. Это была рота японских войск, командуемая Куто, который именовался не иначе, как «королем карательной операции», этот вояка за свои боевые заслуги в Маньчжурии после его смерти удостоился

звания «гунсин» (герой в войне – ред.) Японии.

Появившись на рубеже Тяньцяолина, тот обратился к своим подчиненным:

– Полководец Ким Ир Сен сейчас тяжело болен и не способен командовать. Следовательно, у нас даже отпала особая необходимость затевать бои. Не надо воевать! Надо лишь продолжать преследование до тех пор, пока бойцы комармии не выбьются из последних сил. Преследуя, стреляйте и уничтожайте их по одному. В таком случае не более чем за месяц можно будет истребить всю коммунистическую армию!

Бойцы партизанского отряда, беспокоясь о безопасности Командующего Ким Ир Сена, не прочь были стать живым щитом и броситься во вражеский стан. Но подобные их неоднократные попытки не могли сдерживать преследование многочисленного противника.

Отряд поредел, и осталось в живых только всего 16 бойцов. Ким Ир Сен порой терял сознание, а затем еле очнулся. В какой-то день он с утра потерял сознание и к вечеру не пришел в себя. Бойцы отчаянно кричали:

– Товарищ Командующий! Если вы будете в таком состоянии, то что нам надо делать-то?!

– Товарищ командир! Если вы так уйдете, Корея будет конец!

Все боевые друзья окружают его и вдруг начинают рыдать. Услышав отчаянный зов бойцов, он тихо открыл глаза.

Разглядывая лицо каждого из окружавших его бойцов, он говорит: всем надо крепиться духом. В любой обстановке нам надо думать о своей Родине, думать прежде всего о революции. Наша Отчизна – в крови. Как же мне закрыть глаза?! Не умереть, да и нет права умереть!

На следующий день он пришел в себя и сам поет возле бойцов каждый куплет песни.

Все громче, громче топот
Самураев Японии злодейских.
Топчут нашу землю родную –
Страну с чудесными горами и реками.
Убивают, поджигают, грабят –
Обдирают наших людей безжалостно.
Под пятой врага страдают
Десятки миллионов людей добрых.

Моих родителей, твоих братьев и сестер,
Твоих жен и любимых детей
Убивают палачи-злодеи,
Льется их кровь под штыками врага.
Домик мой родной, твои поля –
Все лежит в руинах и в пепле,
Все лежит в пустоши да пепле,
Все горит в пламени и в огне.

... ..

Вставай, люд трудовой,
Соединяйтесь, массы трудовые,
Не измените слову, данному нами,
Будем сражаться стойко, только вперед!
Свергнем террор белый врага,
Пойдем к победе, куда зовет знамя,
Грянем во весь голос «Мансе!»

Это была именно «Песня об антияпонской войне».

С этой революционной песней, которой учил он сам своих бойцов, они сумели пробить многослойное кольцо окружения противника и, наконец, перейти через перевал Тяньцяолин.

Семья старика Чо Тхэк Чжу

После окончания первого похода в Северную Маньчжурию бойцы КНРА вместе с Ким Ир Сенем, находившимся в бессознательном состоянии от простуды, прибыли в Давэйцзы. Изба старика Чо Тхэк Чжу находилась в глубоком лесу, отдаленном в 12 км от названной деревни.

Вся его семья хлопотала, чтобы ухаживать за больным Ким Ир Сенем.

Утро следующего дня. Мозолистая рука пожилого человека слегка придерживала запястье правой руки Ким Ир Сена. Она очень напоминала ему теплую ладонь родного дедушки в Мангендэ, любившего ласково притрагиваться к щеке и ко лбу внучка.

– Где я нахожусь? – спросил старика он, пришедший, наконец, в себя. Ординарец Чо Валь Нам, всю ночь сидевший рядом с хозяином дома, неожиданно залился слезами. Боец одним духом выложил ему, что было в экспедиционном отряде, как добрались сюда его бойцы.

– Спасибо, дедушка! Исцелился я благодаря вашей доброте.

– Нет, нет, так не говорите! Богатырем вас родило небо! То, что вы ожили в этом бревенчатом домике, не связано с моей семьей. Это все по воле неба, командир Ким!

– Дедушка, пожалуйста, не восхваляйте так мои возмож-

ности. Слишком высока для меня честь – сравнение с богатырем, рожденным небом. Я не такой богатырь, рожденный небом. Я сын и внук своего народа, родился в семье простого крестьянина. Как один из воинов Кореи я пока что сделал слишком малое.

– Нет, нет! – заупрямился старик. – Какие большие ратные подвиги вы свершили, командир Ким! Весь мир знает об этом, я еле-еле свожу концы с концами и живу, словно червь, копаясь в земле этого безымянного ущелья, но до моих ушей тоже доходят те слухи, которые ходят во всех трех провинциях Северо-Востока Китая.

В то время семья старика была большая: 14 человек, в том числе сын, невестка, внуки. Семья, занимающаяся подсечным земледелием, бедная. А вот мужчины-партизаны, что больше числа едоков этой семьи, находятся у них на иждивении, нанося ущерб и без того скудному запасу продовольствия. Причинять хлопоты такой бедной семье не позволяют им даже самые элементарные приличия и мораль.

Через несколько дней, несмотря на настойчивые уговоры этой семьи, Ким Ир Сен приказал отряду собираться в путь.

Перед отправлением отряда Чвэ Иль Хва, невестка семьи, всю ночь вкладывала в вещевой мешок каждого бойца трехдневный запас провианта. Снабжала каждого дорожным обедом, который состоял из комков каши и соевой пасты с молотым красным перцем. Еда была аккуратно завернута в бересту.

Ким Ир Сен не раз говорил старику: меня принесли на ваш дом на спине, а сегодня я могу идти своими двумя ногами в партизанский район. Если бы не ваша семья, то я не смог бы ни выздороветь, ни выжить. Я никогда не забуду вашей доброты,

вашей заботы обо мне.

Чвэ Иль Хва, утирая с лица струйки слез, помогает бойцам носить вещмешки и говорит:

– Знаете, ребята, до сих пор я много лет, беря в руку поварешку, угощала немало гостей, но, честное слово, ни разу не видывала такого нравственно порядочного человека, как командир Ким. Впервые вижу такого... Тут каких хлопот у нас-то?.. Он пока еще, вижу, не очень вылечился, а так уходит... Виданное ли это дело? Такой он добрый... с такой искренней душой думает о нас, простых людях... прошу вас, ребята, хорошенько о нем заботься... – всплывает хозяйка со слезами.

Любите человека

Ким Ир Сен вернулся в Ванцин с первого похода в Северную Маньчжурию. Опять его свалило осложнение болезни, и ему пришлось несколько дней быть прикованным к постели.

У него сердце словно разрывалось. Это не из физической боли, от думы о том, что леваки превратили партизанскую зону в бедлам.

В то время в партизанских районах Цзяньдао борьба против «Минсэндана» развернулась в крайне леваческом ключе.

И, как следствие, были ликвидированы почти все достойные быть ядром отряда из бойцов, которых оставил Ким Ир Сен в Ванцине при уходе в рейдовый поход в Северную Маньчжурию. Более того, те, кто совсем недавно, всего несколько месяцев назад, в ущелье Ванцине с рвением работал за революцию, ушли кто куда, покинули партизанский район, осыпая леваков проклятиями.

Ким Ир Сен настойчиво обращался к руководству Восточноманьчжурского парткома с предложением созвать совещание с целью поправить т. н. антиминсэндановский вопрос.

Через некоторое время поступила информация о том, что в Дахуанвэе будет созвано совещание.

Ким Ир Сен встал с постели, к которой был прикован болезнью, и собирался тронуться в путь. Против его решения возражали товарищи. Они не без основания беспокоились о его безопасности. Понятное дело: они хорошо знали, насколько

«Минсэндан»

Контрреволюционная шпионская организация прислужников японских империалистов. Создана в феврале 1932 г. империалистами Японии.

Цель ее – дезорганизовать революционные ряды изнутри. Эта шпионско-заговорщическая организация по дирижированию японских интриганов делала вид, что защищает интересы корейской нации, а на деле ее деятельность была нацелена на парализование антияпонских настроений Корейского народа, дискредитирование революционеров Кореи, сеяние раздоров и распрей между народами Кореи и Китая, подрыв рядов революции изнутри.

Коварные махинации японских империалистов продолжались. Ими были обмануты некоторые левацкие оппортунисты и фракционеры-низкопоклонники, занявшие ответственные должности в Маньчжурском провинциальном, Восточноманьчжурском особом окружном, уездных и участковых комитетах партии. Из-за их политических амбиций три года разворачивалась в крайне левацком русле «антиминсэндановская» борьба в условиях отсутствия «Минсэндана», что повлекло за собой серьезные последствия в корейской революции.

бесчувственны те, которые с холодным сердцем раскручивают маховик «ликвидации реакционеров».

– Товарищи, мне все-таки придется отправиться, даже если и погибну. Не поехать в Дахуанвэй – это будет означать самоуничтожение. У нас есть сейчас серьезнейший шанс. Есть возможность спасти судьбу корейских коммунистов, вывести корейскую революцию из кризиса. Противоборства не избежать. Черное и белое должны непременно размежеваться друг от друга.

Совещание в Дахуанвэе длилось около десяти дней.

С первого дня участники левацкого толка, явно горячившись, твердили: почти все корейцы в Восточной Маньчжурии являются членами «Минсэндана» или подозреваются в соучастии в нем, партизанский район не что иное, как «кузница минсэндановцев».

Ким Ир Сен прежде всего задал им несколько вопросов: если 70 процентов корейцев, 80 – 90 процентов корейских революционеров в Восточной Маньчжурии являются членами «Минсэндана» или подозреваются в причастности к нему, то это значит, что все корейские товарищи, присутствующие на этом совещании, в том числе и я, состоят в «Минсэндане»? А раз так, то вы, следовательно, сидите сейчас за одним столом с «минсэндановцами»?

Собрание зашумело.

Вы говорите, продолжает он, что 70 процентов корейского населения в Восточной Маньчжурии состоят в «Минсэндане». Это равноценно тому, что к «Минсэндану» причастны все корейские молодые люди, люди средних лет, кроме стариков и старух, женщин и детей. Раз так революцию в Восточной Маньчжурии делают эти «минсэндановцы»? Они идут в кровопро-

литный бой против своих боссов?

И на этот вопрос все ответили молчанием.

В тот момент тишину нарушил некий Чао Яфань, который сказал:

– Вы все время говорите: нет «минсэндановцев»! Это, я бы сказал, субъективная оценка. Сейчас в тюрьмах сидят сотни заподозренных в соучастии в «Минсэндане». Они сами признаются: состояли в «Минсэндане»! Да и они собственноручные признания пишут. Что это значит?

Ким Ир Сен, возмущенный, осуждал:

– Я посетил тюрьму, там встречался с десятками заподозренных, которые якобы признались в этом. Никто из них не подтвердил свое показание... Вы сейчас сами стряпаете этих мнимых «минсэндановцев».

Он продолжал рассказывать:

– Товарищи! Прекратите азартную игру с судьбами людей. Вот что я советую: надо относиться к человеку, как к человеку, к товарищу, как к товарищу, к народу, как к народу. Наше оружие – любовь к человеку, любовь к товарищу, любовь к народу. Ведь именно с этим оружием мы поднялись на борьбу за преобразование, перестройку мира! Если у нас нет оружия-любви, то что отличает нас от буржуев или конных бандитов? Нельзя больше издеваться над людьми под видом «ликвидации реакционеров». Иначе народ раз и навсегда отвернется от нас, да и потомки нас не простят.

Его пламенные слова вынудили Чао Яфана понурить голову.

Причина ликвидации партизанского района

В марте 1935 г. на Яоингоуском совещании Ким Ир Сен внес на обсуждение вопрос о ликвидации опорных партизанских баз и о развертывании на обширных просторах активных боевых действий крупными отрядами.

Намеченная им линия встретила поддержку со стороны абсолютного большинства военных и политических кадров. Однако некоторые из них выступали с иными утверждениями: мол, как же можно так сказать? Разве мы для того создавали партизанские районы, чтобы потом ликвидировать их? Неужели мы зря три-четыре года проливали кровь, живя впроголодь и кутаясь в лохмотья?! Ликвидировать партизанские районы и переселить жителей в районы, контролируемые врагом, – это значит обречь на верную смерть тех, кто, образуя единое целое с армией, делил с нею горе и радость. Не так ли? Можно ли представить партизанскую войну революционной армии без военно-политической опоры – такой, как партизанский район? Переселение из партизанских районов в контролируемые врагом районы людей, заключенных в бурях революции, – это равноценно потеря десятков тысяч человек из революционно настроенных масс, для воспитания которых было потрачено так много усилий. Не так?

С этими словами соглашались некоторые люди, кивая головой. И участники совещания раскололись на две группы: одна – сторонники защиты партизанских районов, другая – сторонники их ликвидации. Они с головой ушли в бесконечную полемику.

Ликвидировать партизанские районы – это и у Ким Ир Сена было больно на душе. Однако он, проливая слезы, принял решение – ликвидировать партизанские районы. Почему? Потому что этого не позволила ситуация того времени. Замкнуться в постоянных партизанских районах в форме освобожденных районов и пойти на лобовую конфронтацию по принципу «один на один» с сильным противником, располагающим огромным военным потенциалом – это нельзя было рассматривать иначе, как рискованное дело.

Если с головой уйти только в защиту обнаруженных партизанских районов, то революционная армия неизбежно впадет в пассивность, втянется в лабиринт боя с врагом, сопровождаемого истощением отряда, да и даже не будут сохранены имеющиеся революционные силы, подготовленные на протяжении многих лет. Это привело бы, в конце концов, ни к чему, кроме оправдания ожидания врага, пытающегося объемной войной подавить всю армию и народ партизанских районов.

И поэтому Ким Ир Сен наметил курс на ликвидацию партизанского района. На совещании ему, в конце концов, удалось убедить самолюбивых сторонников концепции защиты партизанского района. Совещание приняло решение по вопросу ликвидации партизанского района.

3. АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ КРУПНЫХ ОТРЯДОВ

- 58 || **Врагу, не дающему народу покоя, – нет пощады**
- 61 || **Орудийный грохот на Дахощаопухэ**
- 63 || **Минометный грохот на североманьчжурской земле**
- 65 || **Староста стодворового поселка сделал «донос» на партизанский отряд**
- 68 || **Странные узы**
- 71 || **Торжественный форум победителей**

Врагу, не дающему народу покоя, – нет пощады

Сыдаогоу – небольшая деревня, отдаленная более чем на 8 км от Лоцзыгоу.

Раньше Ким Ир Сен с целью превратить это село, прилегающее к Лоцзыгоу, в революционное создал здесь Антияпонское общество, Крестьянское общество и другие организации. И поэтому это поселение выполняло важную роль для защиты

Армия марионеточного Маньжоу-Го

После захвата маньчжурской земли Китая японские империалистические агрессоры в марте 1932 г. сфабриковали марионеточное государство Маньжоу-Го с его т. н. армией национальной обороны в целях подавления революционных выступлений народов Кореи и Китая в этом районе.

Армия послушных японским оккупантам марионеток приняла активное участие в агрессивной войне Японии на континенте и безрассудно репрессировала людей в их антияпонской борьбе за спасение Отечества. Она как прислужник агрессивной японской армии участвовала в карательных операциях против КНР и партизанских районов, варварски репрессировала повсеместно ни в чем не повинных жителей.

Прекратила свое существование в 1945 г. одновременно с поражением империалистической Японии и развалом Маньжоу-Го.

партизанских районов в Ванцине.

Это село вдруг утром 15 января 1935 г. по лунному календарю превратилось в сплошное пепелище карателями Цзиньаньской армии.

В то время в Ванбаоване в Лаохэйшане уезда Дуннин дислоцировалось более 300 вояк Цзиньаньской армии. Эти злейшие войска марионеточного государства были созданы в основном из детей помещиков и капиталистов. Эту «отборную» армию японские оккупанты назвали «железной армией».

Сельчане, испуганные оружейными выстрелами, побежали

Цзиньаньская армия

Самая жестокая реакционная армия из войск марионеточного Маньжоу-Го.

Она, непосредственно подчиненная правительству этого марионеточного государства, создана из прояпонских прислужников – выходцев из среды помещиков и капиталистов. Большинство командного состава – японские офицеры действительной службы. В составе сержантов и пулеметчиков было немало японских солдат, имеющих богатый боевой опыт. И рядовые получили систематическое стационарное военное образование.

Армия эта обрушила на мирных жителей жестокие репрессии, приняла активное участие в карательных операциях против КНР и китайских антияпонских отрядов. Но она терпела поражение за поражением под сильными ударами КНР в многочисленных боях, в том числе в Лаохэйшане. В августе 1945 г. развалена вместе с поражением империалистической Японии.

ли из домов. На них каратели обрушили шквал огня из пулемета. Убитых бросали штыками в дома и подожгли их. В селе с десятками дворов остались в живых только несколько человек.

В середине июня Ким Ир Сен организовал на Лаохэйшане бой за истребление убийц, породивших трагедию в Сыдаогоу. Решил он применить тактику выманивания для боя из засады. С этой целью отряд демонстративно среди бела дня передвинулся в сторону Лоцзыгоу, чтобы враги видели партизан. Нужно было исхитриться, чтобы они поверили, будто партизаны ушли куда-то в другое место. А ночью отряд скрытно переместился в лес вблизи Ванбаованя, где дислоцировались войска Цзинъаньской армии. Там отряд устроил засаду.

А затем более десятка партизан, переодевшись в форму бойцов лесного отряда, отправились в Ванбаовань. В этой деревне они выдали себя за распоясавшихся грабителей – захватили у крестьян осла, разрушили плетни на огороде, а затем уже вернулись в свой отряд. Однако в первый день, странное дело, противник почему-то не клюнул на партизанскую удочку.

И на следующий день группа партизан, призванная заманивать противника в ловушку, снова спустилась в село Ванбаовань. Лишь тогда солдаты Цзинъаньской армии кинулись ордой и начали преследовать уходящую группу партизан.

Когда весь отряд неприятеля втянулся в горное ущелье, Ким Ир Сен одним выстрелом тотчас же сразил японского инструктора. Стволы винтовок партизан, взявшие на прицел

сердца врагов, одновременно высыпали огонь. Начался бой мстителей, полных ненависти к противнику, убившему жителей деревни Сыдаогоу.

Вражеские солдаты, попавшие в ловушку полного окружения, оказались в безвыходном положении, им некуда было удрать – ни вперед, ни назад, ни вбок.

Более ста палачей, зверски убивших жителей Сыдаогоу, ментально, за несколько минут, отдали богу душу.

Выстрелы революционной армии, потрясавшие ущелье Лаохэйшаня, были страшной грозой, которая показала, что врагу, посягнувшему на интересы народа, нет и не будет никакой пощады, никакого прощения.

Орудийный грохот на Дахошаопухэ

Потерпев смертельное поражение, японские империалисты подняли на ноги свою Квантунскую армию, войска марионетного государства Маньчжоу-Го, полицию и даже отряды самообороны. Враги бросились в Тайпингоу, где находились бойцы КНРА.

Великий Ким Ир Сен решил загнать безрассудно нападающих врагов на реку Дахошаопухэ и уничтожить их до последнего огнем из минометов, захваченных у противника в бою под Лаохэйшанем.

Наконец, в июне 1935 г. неприятель начал атаковать Тай-

пингоу. Ким Ир Сен развернул отряды в горах за этим селом. Штаб находился вблизи минометной батареи.

Противник начал переправляться на судне через реку. Когда вражеское судно оказалось на самой глубокой середине реки, он дал приказ: «Огонь!» Заработала партизанская минометная батарея. На середине реки было разбито одно судно. Впавший в панику противник отказался от форсирования реки и начал поспешно отходить к своим позициям.

Ким Ир Сен обнял командира минометной роты и поздравил его с победой в бою.

Артиллерийская канонада КНРА на Дахошаопухэ ознаменовала собой исторический салют в честь рождения артиллерийских сил нашей страны. Тот орудийный гул нагнал на врага страху.

Один из командиров марионеточных войск Маньчжоу-Го попытался переправиться через реку, однако, ошеломленный минометным огнем партизан, отправился в Лоцзыгоу.

– Что это за Народно-революционная армия! – сказал он. – Совсем непонятная сила. Пушку-то ведь только вчера захватила, а уже сегодня двумя выстрелами уничтожила цель. Настоящий бог техники! Как с ней справиться?! Пускай дураки дерутся с Народно-революционной армией. Я не буду воевать с отрядом Ким Ир Сена. Уж лучше пусть японская сабля срубит мне голову.

Минометный грохот на североманьчжурской земле

В середине июня 1935 г. ситуация в Северной Маньчжурии актуально требовала от главного отряда КНРА двинуться в нее и раздувать мощное пламя борьбы против империалистической Японии.

С целью создания антияпонского объединенного фронта Ким Ир Сен встал на путь 2-го похода в Северную Маньчжурию.

В июле в деревне Шаньдунтуне состоялась волнующая встреча его с командиром 5-го корпуса объединенной антияпонской армии Чжоу Баочжуном.

Этот китайский командир вышел на место, расположенное более чем в четырех километрах от тайного лагеря, и радушно встретил Ким Ир Сена.

Шли дни. Однажды Ким Ир Сен получил информацию о том, что надвигаются на село Шаньдунтунь крупные отряды противника.

К тому времени главные силы 5-го корпуса Чжоу Баочжуна действовали в Мулине и на северо-западе, в 4-ом корпусе было немного бойцов. По численности противник превосходил силы революционной армии примерно в два раза.

Принять бой или избежать его? Чжоу Баочжун в растерянности спросил Ким Ир Сена, каково у него мнение.

Ким Ир Сен решил принять бой. Надо продемонстрировать разок боевую мощь КНРА в Северной Маньчжурии. В этом виде он непременно задачу в достижении цели начатого похода. Можно ли рассчитывать на победу? Безусловно, вполне можно.

Именно теперь, пора использовать минометы, которые уже показали свою мощь в бою в Тайпингоу, и показать наглому противнику, где раки зимуют.

Чтобы избежать ущерба, наносимого жителям в бою, он прежде всего велел бойцам заранее занять боевые позиции, чтобы они могли встретить врага до того, как он успеет напасть на село. Каждому отряду было поручено соответствующее задание. Кроме того, по его приказу бойцы минометной батареи и роты со станковыми пулеметами заранее установили необходимые данные для ведения огня по направлению, откуда ожидается атака неприятеля, и ждали после этого его приказа.

Враги, бешеной скоростью поступающие по горным тропинкам, карабкались на гору, чтобы занять северо-западный участок Шаньдунтуня.

Бойцы подпустили противника на расстояние 150 – 200 метров, а потом обрушили на него шквальный огонь по сигнальному выстрелу Ким Ира Сена.

Уцелевшие вражеские солдаты, отступив, вновь попытались пробраться по гребням южной горы через Ляншуйлинцзыщунхэ, но и там партизаны, защищавшие проход, разили почти всех врагов.

Ким Ир Сен, зорко следивший за полем боя, в этот раз дал роте со станковыми пулеметами приказ: «Огонь!» Пулеметы

с тяжелыми звуками скосили врагов. Враги растерялись от неожиданного звука станкового пулемета. Однако противник, несмотря на огромные жертвы, отчаянно бросился.

Ким Ир Сен отдал минометной батарее открыть огонь. Один за другим снаряды с металлическим скрежетом, потрясая землю и небо, падали на скопления противника.

Вражеские солдаты попали в заколдованный круг. Чудом уцелевшие из них кинулись отступить.

Ким Ир Сен велел бойцам безостановочно вести огонь из миномета по откатывающемуся неприятелю. Враги металась в пороховом дыму, а затем под покровом тьмы удрали кто куда.

В этом бою враги были так побиты, что после него долго не смели нападать на КНРА. Получая письма от ее экспедиционного отряда, враги безропотно присылали ей продовольствие, растительное масло, обувь, различные военные материалы первой необходимости.

Неприятель дрогнул от стрельбы орудия Народно-революционной армии, а народ, слыша эту канонаду, испытывал в себе большой прилив воодушевления.

Староста стодворового поселка сделал «донос» на партизанский отряд

Экспедиционный отряд, совершающий 2-й поход в Северную Маньчжурию под непосредственным командованием

Ким Ир Сена, остановился в уезде Эму в поселке № 4 местности Цингоуцзы.

Она расположена недалеко от уездного центра Эму – основной базы агрессивных японских войск. Она образована из многих маленьких поселков № 4, 5, 6, 7 и так далее.

Старостой стодворового поселка был человек по имени Лю Юншэн.

Он явно с недоумением думал: эта партизанская армия – войска особой категории. Ее бойцы не облагают население никаким бременем, а по вечерам устраивают у костра развлечения, партизаны танцуют вместе и занимаются учебой.

Понятное дело, войска, которые он видал до тех пор, были сворой насильников, кричащих на жителей с вытаращенными глазами, под какой бы вывеской они ни действовали.

А вот бойцы этой «корёской красной армии», прибывшей, мол, из Цзяньдао, таскают местным жителям воду, подметают дворы домов и стригут детей. И вся деревня шушукается. Это, дескать, странная армия.

Однажды староста Лю Юншэн получил донесение о том, что солдаты расквартированного в поселке № 6 японского гарнизона и отряда марионеточных войск Маньчжоу-Го готовятся к отправлению в сторону поселка № 4. Он немедленно об этом доложил Ким Ир Сэну.

Получив информацию, он сразу приказал всем бойцам отряда ложиться спать.

Это еще больше удивило старосту. Всю ночь ему не спалось – и

он то выходил на улицу, то входил в комнату.

Ким Ир Сен приглашает его к себе и говорит:

– Господин староста, слишком не беспокойтесь. Вы можете спокойно отдыхать. Наша армия надежно охраняет поселок.

– Как она охраняет поселение надежно? Войска-то с раннего вечера валяются под одеялом. Как это так?

Староста никак не мог успокоиться и не находил себе места.

– Знаете, бойцы стоят на часах. «Корёская красная армия» не бросает слов на ветер. Так что нынче вечером вы можете нормально отдыхать. А завтра утром, после нашего ухода, идите к врагам и сообщите, что была здесь «корёская красная армия» и ушла. Скажите обо всем, что вы видели своими глазами.

У старосты глаза на лоб полезли.

– Как это доложить? Не хочется мне доносить на такую замечательную армию, как «корёская красная армия»!

– Нет, господин староста, это моя к вам искренняя просьба. Не отказывайтесь и делайте так, как я предлагаю. Это и есть путь к спасению и для нас, и для вас, и для всего поселка. Скоро все будет ясно.

Ким Ир Сен предложил старосте сделать «донос» на партизанский отряд для того, чтобы выманить всех врагов из коллективного поселения, уничтожить их и вместе с тем предотвратить ущерб, наносимый сельчанам, после ухода партизанского отряда.

На рассвете следующего дня староста, задыхаясь, идет к врагам и во весь голос кричит:

– Знаете, господа, «корейская красная армия», пришедшая из Цзяньдао, идет в сторону поселка № 5...

– Скажи, это правда?

«Донос» старосты поднял на ноги противника. Карательный отряд из сотен штыков с отчаянной яростью преследовал партизанский отряд.

Но они даже во сне не думали, что им грозит ловушка, сделанная КНРА.

В этом бою японский гарнизон был целиком уничтожен. Чудом уцелевшего под градом партизанских пуль одного его солдат взял на свой борт самолет, но этот самолет разбился вдребезги при посадке. Тот солдат, конечно, тоже отправился на тот свет.

Попозже в поселке № 6 в Цингоуцзы япошки установили, увы, «памятник павшим верноподданным».

Странные узы

Это случилось в начале 1936 г. в китайском уезде Эму. Солнце почти склоняется за горой. К тому времени вдруг перед помещичьим домом остановилась конная запряжка.

С коляски выходит какая-то китайская дама, поддерживаемая солдатом марионеточной армии Маньчжоу-Го. У ворот дома стояли на часах бойцы Народно-революционной армии, переодетые в батраков. Незнакомка говорит им, что ей хочется

в мороз погреться в помещении, и делает шаг вовнутрь помещичьей усадьбы. В этом доме отдыхали Ким Ир Сен вместе с бойцами.

Бойцы о ней сказали Ким Ир Сену. Им казалось, что эта особа – необыкновенная: закутана в две шубы из лисьего меха, да и охраняема солдатом марионеточного Маньчжоу-Го.

Ким Ир Сен велит им пропустить ее в комнату погреться. Он предлагает ей чай, пододвигает к ней жаровню, чтобы она могла согреться.

Мы, говорит он, – Народно-революционная армия. Жители этой местности называют нас «корёской красной армией». Мы не свора бандитов, не те, кто посягает на жизнь и имущество народа, как распускают «утку» япошки. Мы только воюем против японских империалистов, совершивших агрессию в двух странах – Корее и Китае, против их прислужников. Мы ни на йоту не посягаем на жизнь и добро населения. Так что вы можете не беспокоиться.

В ту минуту один из бойцов вполголоса говорит ему, что эта китаянка – жена командира полка марионеточной армии Маньчжоу-Го, она едет к своим родителям в гости.

Ким Ир Сен в нежном тоне продолжает с ней беседу. А немного погодя она поднимает голову и глядит на его лицо, – и вдруг у нее в глазах сверкает какое-то изумление. Она обращается к нему:

– ... Если я не ошибаюсь... Извините, вас, может, зовут Ким Сон Чжу, господин начальник?

Неожиданный вопрос. Пришел его черед удивиться. Просто

ему непонятно, как его имя знает незнакомая дама, случайно встреченная в Северной Маньчжурии, отдаленной на сотни *ли*, (единица длины, 10 *ли* – около 4 км.) от Цзяньдао. Дело загадочное.

– Трудно верить своим ушам, когда слышу свое детское имя на земле Эму. Меня зовут и Ким Сон Чжу, и Ким Ир Сенем. Скажите, пожалуйста, откуда вы, госпожа, знаете мое имя?

– Когда вы, господин Сон Чжу, руководили молодежно-ученическим движением в Гирине, я училась там в женской средней школе.

– Да?! Очень рад!

Она со слезами говорит:

– И я тоже участвовала в демонстрации учащихся, когда развернулась борьба против прокладки японцами железной дороги Гирин – Хвэрён. И теперь у меня в памяти свежо то, что в то время слушала вашу речь, господин Ким Сон Чжу. А вот сегодня мне довелось видеть вас, господин Ким Сон Чжу, в такой военной форме. Я, с одной стороны, просто не знаю, как выразить мои глубокие чувства, а с другой – мне стыдно от своей несчастной участи.

Ким Ир Сен говорит ей: успокойтесь, не надо так убиваться.

– Сейчас внутренняя и внешняя ситуация зовет на попрание антияпонской борьбы за спасение страны всех сыновей и дочерей, всех интеллигентов Китая, любящих отечество и народ. Ведь не может быть, чтобы вы, жена комполка, не могли включиться в антияпонскую борьбу.

– Значит, вы говорите, что есть в моем положении путь к антияпонской борьбе?

– Есть. Если вы сможете оказать хорошее влияние на вашего мужа и он откажется от карательной операции против революционной армии, то это уже станет заслугой перед антияпонской борьбой... Дело в том, чтобы ваш муж не забыл, что он китаец.

– Правда, мой муж – комполка, но он там служит не по своему желанию. Он тоже дорожит национальной совестью. Попробую хорошенько убедить мужа, чтобы он не гонял своих подчиненных на карательные операции против партизан.

Затем она продолжает: сегодня, я бы сказала, бог дал мне счастье встретиться с вами, господин Ким Сон Чжу. Можно сказать, что вы сегодня вернули мне дух периода жизни в Гирине и вывели меня с мужем на путь возрождения. Всю жизнь не забуду вашу помощь, буду жить достойно, как дочь китайской нации.

Так она выразила свою решимость. Впоследствии тот командир полка марионеточной армии Маньчжоу-Го под влиянием своей жены встал на активную антияпонскую борьбу.

Торжественный форум победителей

Озеро Цзинбоху принадлежит к числу известнейших достопримечательностей Маньчжурии. На южном берегу озера лежит небольшое село – Наньхутоу (нань – юг, ху – озеро, тоу –

голова), что означает поселок, находящийся на южном краю озера. А на северном берегу озера – другое село под названием Бэйхутоу (бэй – север).

Если подняться на несколько десятков ли вверх по течению реки Сяоцзячихэ, впадающей в озеро, то увидишь в глубоком горном ущелье два ветхих сруба.

Именно здесь в последней декаде февраля 1936 г. проходило Наньхутоуское совещание. На нем приняли участие 30 – 40 военно-политических работников-корейцев и Вэй Чжанминь, вернувшийся из Коминтерна, и другие китайские революционеры.

На совещании в первую очередь Вэй Чжанминь сообщил участникам совещания о мнении и директивах Коминтерна по ряду вопросов, выдвинутых в Дахуанвэе и Яоингоу.

Участники совещания выразили ему благодарность за то, что он, невзирая на свою болезнь, направился в Москву и вернулся с положительным заключением.

На совещании Ким Ир Сен выступил с докладом, в котором он подытожил опыт военно-политической деятельности антияпонских партизан в первой половине 1930-х годов в бассейне реки Туман, поставил перед корейскими коммунистами важные задачи в соответствии с требованием периода нового перелома в революции, наметил новые стратегические установки по выполнению выдвинутых задач.

Другими словами, он представил на обсуждение новые установки, направление на достижение великого подъема корейской революции в целом, и прежде всего антияпонской воору-

женной борьбы. Речь шла о курсе на выдвижение главных сил КНРА в пограничную зону и в район гор Пэкту и постепенное расширение арены борьбы внутрь Кореи, о курсе на расширение движения единого антияпонского национального фронта, о курсе на активное ускорение процесса подготовки к созданию партии и т. д.

Участники совещания с неудержимым чувством волнения поддерживали предложение Ким Ир Сена о продвижении крупных отрядов в район гор Пэкту.

Кроме того, на совещании был принят намеченный им стратегический курс на организацию Лиги возрождения Родины в масштабе всей страны и ускорение работы по созданию коммунистической партии.

Наньхутоуское совещание можно назвать торжественным форумом победителей.

Помнится, сектантская грызня коммунистов раннего периода, роспуск Коммунистической партии Кореи, ошибки оппортунистов левацкого толка в борьбе против «Минсэндана» – из-за всего этого раньше Коминтерн, партии братских стран и даже корейский народ, хотя и частично, чуждались коммунистического движения в Корею. Но с момента Наньхутоуского совещания это движение смыло с себя позор прошлых времен и стало развиваться победоносно.

4. СОЗДАНИЕ НОВОЙ ДИВИЗИИ

- 75 || **Радость и печаль**
- 77 || **Недалеко от материнской могилы**
- 79 || **Эликсир бессмертия**
- 80 || **Сожжены кипы документов
о «Минсэндане»**
- 83 || **20 юаней**
- 85 || **Первая женская рота**
- 87 || **Заявление «старика с трубкой»**
- 90 || **Снежный комок дает осознать истину**
- 92 || **Молитва в бревенчатом доме
Ставки Командования**
- 95 || **Юбилейный стол для помещика**
- 99 || **Бык вернут обратно хозяину**
- 101 || **Цзиньанская армия уничтожена
от тактики рассечения**

Радость и печаль

Через несколько дней после Наньхутоуского совещания Ким Ир Сен, решив выступить в район гор Пэкту, отправился на Цингоуцзы, где расположен тыловой лагерь.

Там были бойцы – участники экспедиции на Северную Маньчжурию, партизаны из Восточной Маньчжурии, а также старые, раненые и сироты.

Ким Ир Сен, собрав всех бойцов и людей в одном месте, сообщил им о решениях Наньхутоуского совещания.

Выслушав его слова о том, что Коминтерн признал ультра-левацкий характер развязанной против «Минсэндана» борьбы в Цзяньдао и провозгласил святое право корейцев на осуществление корейской революции, на которое никто не вправе посягнуть, собравшиеся были растроганы до слез. Они кричали: «Теперь мы можем идти на землю своей страны, родного края, можем на родной земле, где мы родились, дать решительный бой японским империалистам!»

И никто, казалось, среди них не думал о том, что кому-то придется еще остаться в Северной Маньчжурии. Как бы ни было больно в душе, но Ким Ир Сен должен был рассказать им о необходимости расставания. Он обратился к ним:

– Товарищи, вспомним!

Диалектика вооруженной борьбы всякий раз создавала новую обстановку. И в каждый такой момент нам приходи-

лось, как правило, расставаться друг с другом.

Это придется сделать и сегодня, когда в связи с Наньхутоуским совещанием корейская революция вступила в переломную фазу. Стало быть, все должны быть готовы к новым разлукам. Военно-фашистская группировка Японии, спровоцировав «инцидент 26 февраля», в открытую прибегает к агрессии в северном регионе. Она захватила Цицикар и Северный Китай и совершает непрерывные провокации на советско-маньчжурской границе, чтобы найти повод к нападению на Советский Союз. Это и вы хорошо понимаете. В такой ситуации партизанские отряды Северной Маньчжурии стараются укреплять антияпонские силы. При этом они испытывают большие трудности – не хватает актива. Поэтому они уже не раз обращались к нам за помощью.

Что же будет, товарищи, если в такой ситуации мы все уйдем в направлении гор Пэкту?

Далее он напрямую изложил план изменения состава отрядов, который уже десятки раз перебирал в мыслях с момента отправки из Наньхутоу.

Раньше партизаны не имели понятия даже слова «неповиновение» перед командой Командующего, но в этот раз вовсе не хотели отказаться от своего решения идти вместе с ним на Родину, и ему приходилось много часов уговаривать и уговаривать их.

А боевые соратники, столь огорчившие его, как раз в момент отправления старались улыбаться.

Так они с улыбкой на лице ушли, глубоко затаив печаль от раз-

луки в душе. Но в их сердце пульсировала крепкая решимость во что бы то ни стало вместе с Полководцем Ким Ир Сенем вернуться на освобожденную родную землю.

Недалеко от материнской могилы

Это было, когда отряд Корейской Народно-революционной армии, возглавляемый Полководцем Ким Ир Сенем, продвигаясь в район гор Пэкту, проходил вблизи Аньту.

Вдруг на его глаза бросилась знакомая небольшая глухая деревня.

Между горными вершинами, набегающими словно волны, открылся вид на поляну Сяошахэ, где было провозглашено создание антияпонской партизанской армии. С поляны спускаешься немного – лежала могила его матери на солнечной подошве горы.

Даже не заметив, что весь отряд уже спустился с горной вершины, Ким Ир Сен все еще стоял на гребне горы.

– Полководец, почему вы не спускаетесь с горы? – спросил ординарец, вернувшись за ним и смотря недоумевающе на него.

Лишь тогда Полководец очнулся от глубокого раздумья.

– Полководец, что с вами? Говорили, что в Сяошахэ могила вашей матери. Видимо, из-за... – прошептал ординарец.

– Совершенно верно! Я только что вспоминал о моей матери...

– Тогда не сходить ли вам на могилу?

Его вопрос еще дал волю тоске по матери у Полководца. А он отрицательно покачал головой.

– Очень хочу, но время не позволяет.

– До Сяошахэ отсюда рукой подать. Виданное ли дело, чтобы из-за занятости не посетить могилу матери? Говорили, что в деревне Туцидянь есть и ваш младший брат...

– Но я не могу, даже если время найдется. Мать этого не позволяет.

– Странное дело! Почему она не позволяет? – вопросительно покачал головой ординарец.

– Мать мне завещала: пока Корея не станет независимой, не переносить могилу на Родину. Я уважаю ее завещание и не могу пойти на могилу в Туцидянь.

На глазах ординарца выступали слезы, и он от всей души попросил:

– Вы, Полководец, думаете, что если вы пойдете к могиле, то Корея не станет независимой? Прошу сходить.

– Нет, так нельзя. При жизни моей матери я не был почтителем к ней. Хотя бы после ее смерти хочу стать почтительным сыном. Больше не говори об этом. Я не вправе посетить мать, пока за плечами у меня нет ничего особенного, совершенного мной.

И командиры отрядов присоединились к разговору и предлагали ему сходить в Сяошахэ.

Но Полководец Ким Ир Сен все же не поддался их уговорам и безмолвно спустился с вершины горы.

Эликсир бессмертия

Когда Полководец Ким Ир Сен, возглавляя партизанский отряд, начал поход из Наньхутоу в горы Пэкту, то одним из важных пунктов маршрута был выбран Михуньчжэнь на Муданьлинском горном хребте. Там находилась тайная тыловая база 1-й отдельной дивизии Корейской Народно-революционной армии.

Михуньчжэнь был нехоженой горной глушью. Говорят, что в этих краях трудно ориентироваться даже тем, кто уже побывал здесь раз-два. Вначале и отряд во главе с Ким Ир Сеном тоже, плутая, не сумел сразу найти секретный лагерь. К большому счастью, партизаны встретились с бойцами 1-й отдельной дивизии.

Полководец попросил проводить его в тайный лагерь, но им не хотелось выполнять его просьбу.

– Уважаемый Полководец, ущелья Михуньчжэня были сплошь заражены брюшным тифом. И туда никак нельзя!

Однако он обратился к ним:

– Коль брюшной тиф возникает в теле человека, значит, человек может справиться с ним своими силами. Так кого пересилит? Человек, а не заразная болезнь!

– Вы говорите, что заразную болезнь пересилит человек? Да, перед той болезнью нет ни сильного, ни слабого. Уж какой сильный человек ротный командир товарищ Чвэ Хён! Но и он уже

несколько недель лежит в Михуньчжэне с брюшным тифом.

– Да? Неужели поражен болезнью этот железный вояка? Раз он страдает брюшным тифом, тем более я должен пойти в Михуньчжэнь.

По прибытии в тайный лагерь Михуньчжэня Ким Ир Сен первым делом посетил казарму-полуземлянку, где лежали пятьдесят с лишним больных в лихорадке.

– Прошу вас, не входите! Нельзя входить! – кричал Чвэ Хён и пополз к выходу. Его лицо изменилось до неузнаваемости: одна кожа да кости.

А Ким Ир Сен подошел к Чвэ Хёну и крепко пожал ему руки, которую он спрятал под одеяло.

Вмиг глаза у него повлажнели. В ту минуту вся казарма превратилась в море слез.

Скоро больные, пораженные проклятой лихорадкой, с новой уверенностью старались пересилить болезнь и, наконец, встали с постели госпиталя.

Горячее товарищество Полководца Ким Ир Сена, который без колебания готов перейти даже и пороги смерти за товарищей, буквально стало эликсиром бессмертия для них.

Сожжены кипы документов о «Минсэндане»

Весной в 1936 г. Полководец Ким Ир Сен продвинулся на Мааньшань с целью формировать новую дивизию КНРА.

А 2-й полк, который был предназначен включиться в новую дивизию, ушел в сторону Цзяохэ и осталось только несколько бойцов и начальник политотдела 1-й дивизии.

Ким Ир Сен спросил начальника политотдела Ким Хон Бома:

– Все отправились в поход, остались только вы в Мааньшане? Что вы делаете здесь?

– Там, в Сампхоском тайном лагере есть более ста «минсэндановцев». Я остался следить за ними.

Уже год прошел с Дахуанвэйского и Яоингоуского совещаний, и все революционеры были в курсе, что ликвидация «Минсэндана» является порочным делом, а здесь и пока болтали о «Минсэндане». Это, в самом деле, озадачило его.

Когда Ким Ир Сен спросил, есть ли какие-либо достоверные доказательства, то начальник политотдела ответил, что есть досье на каждого, и принес ему документы, увязанные в большой платок. Письменное признание, показание, акт допроса... Документов было так много, что вся комната наполнилась ими.

На тех документах были записаны о серьезных «винах» подозреваемых в причастности к «Минсэндану» и были фиксированы их отпечатки пальцев.

Ким Ир Сен сам лично направился в Сампхоский тайный лагерь и встретился с подозреваемыми. И рассказал:

– Я рассмотрел документы с обвинениями в причастности к «Минсэндану». Но полагаю, что о вас нельзя судить только по бумагам. И расскажите о себе начистоту.

А никто не хотел открыть рот.

Он еще спрашивал у нескольких человек, правда ли они ста-

ли членами «Минсэндана», но все признались, что все это факт.

Их ответы сильно огорчили душу Полководца, и он вышел на двор и прохаживал по лесу. Скоро он снова направился на избу и, попросив собрать всех подозреваемых в причастности к «Минсэндану», громко сказал:

– Товарищи, поднимите голову! Я пришел сюда не судить вас, не разбираться, кто какое преступление совершил. Я пришел к боевым друзьям, к тем, с которыми мы продвинемся в район гор Пэкту и будем сражаться в одном строю. ...А говорят, вы, оставшиеся здесь, все без исключения являетесь прояпонски настроенными предателями, реакционерами, которые не достойны стать моими боевыми друзьями. Но я не верю этим словам. ...Ну, расскажите сами. Неужто вы в самом деле вот уже несколько лет претерпеваете столько горя и обид ради японских империалистов? Ради чего вам приходилось ночевать под открытым небом, в сугробах, на льду угрюмого простора Маньчжурии? Чтобы стать цепными псами япошек и убивать своих родных и товарищей?..

Нарушая тишину, изо всех уголков избы начали раздаваться всхлипывания людей. 100 с лишним человек рыдали, дрожа плечами...

– Нет, я не собака япошки!

– Я тоже!

Ким Ир Сен приказал начальнику политотдела принести всю кипу документов о «Минсэндане» и подготовиться, чтобы предать их огню.

Он не на шутку всполошился. Его лицо сразу побледнело, а

ноги так и тряслись. И только молчание об этом пахнуло даже расстрелом.

Ему было хорошо известно, какие опасные последствия повлекут за собой такие действия. Но он еще крепче решил сделать это.

Полководец Ким Ир Сен объявил, что 100 с лишним подозреваемых в причастности к «Минсэндану» не виноваты, и заявил, что все они вступят в главный отряд, а затем сам зажег проклятые документы.

Это было действительно дерзновенной смелостью, большой отвагой и самоуверенностью 20-летнего молодого Полководца.

Так, сожжение в Мааньшане кип документов о «Минсэндане» привело к рождению новых людей, к формированию новой дивизии.

20 юаней

Весной в 1936 г. после создания новой дивизии Полководец Ким Ир Сен пришел в тайный партизанский лагерь в Мааньшане, где оставались члены Детского отряда.

Как только он появился в тайном лагере, члены Детского отряда в Мааньшане с возгласом «Полководец!» выбежали из бревенчатого домика и бросились к нему наперегонки друг с другом.

Но в толпе детей, запыхавшихся от бега, вдруг произошло какое-то колебание, и они, не добравшись до него, остановились один за другим.

И Полководец Ким Ир Сен, распростертыми руками идя на встречу ним, на минуту стоял, когда остановились дети.

В его глаза горько бросался их жалкий наряд. Раздутые лица от голода, почти голые дети... Прожженная, оборванная и продырявленная их одежда превратилась в лохмотья.

Еле успокоив горькую душу, Ким Ир Сен сказал:

– Ребята, поднимите головы! Не ваша вина, что вы одеты в рваную одежду. А ну, идите-ка скорее сюда!

С распростертыми руками он подошел к детям, и они обступили его со всех сторон, громко зарыдали.

Вместе с рыдающими детьми Полководец вошел в казарму.

А там ждала его еще ужасная картина. В одном углу холодной комнаты, где совсем не чувствовалась теплота, несколько детей лежало, свернувшись калачиком без одеяла.

Ким Ир Сен, пощупывая их лбы и взглядывая в их лица, со вниманием спросил, чем они болеют и как излечиваются.

Ким Хон Бом и бойцы, охранявшие Мааньшань, не ответили ничего.

На самом деле, детей свалила не болезнь, а национал-шовинисты и левацкие оппортунисты, у которых нет даже ни капельки чувства милосердия и сострадания.

Ким Ир Сен подумал, что настала самая подходящая пора истратить двадцать юаней, которые мать оставила ему в наследство перед своей смертью.

«Мама, прошло четыре года, как я, получив от тебя эти деньги, разлучился с тобой. За это время пришлось испытать немало затруднительных моментов. Думая о будущем вре-

мени, я кое-как сохранял эти 20 юаней. Но сегодня все-таки придется истратить их. Придется купить одежду для этих жалких ребятишек, у которых на свете нет никого родных...» – обратился он мысленно к матери, одиноко лежащей вдали на холодном бугорке в Туцидянь.

И попросил комиссара покупать ткань на 20 юаней и сшить детям новую одежду.

Первая женская рота

Когда формировалась новая дивизия – главный отряд КНРА, Полководец Ким Ир Сен решил организовать отдельную женскую роту из партизанок.

Но некоторые командиры качали головой, говоря:

– Образуи роту только из одних женщин и пошли ее на бой – не миновать поражения. Что тогда станет с престижем КНРА? Даже если отдельно организуется женская рота, но ротой и взводом должны командовать мужчины.

Однажды из Михуньчжэня в Маньчжян пришел смешанный отряд из мужчин и женщин. Отряд был только по названию смешанным, но мужчин в нем было всего четверо или пятеро. Остальные – женщины.

Ким Ир Сен вызвал одного партизана, общепризнанного силача, и первым делом попросил его нести оружие и вещмешок, которые с себя сняла одна партизанка. А потом спросил его, на какое расстояние он может идти без отдыха. В ответ:

«По-моему, могу одолеть километра четыре безостановочно».

Он еще возложил ему на плечи груз другой партизанки и два старинных ружья «Таотун» и снова спросил, какое расстояние может пройти. Получил ответ: «Максимум километра два».

Тут одна партизанка обратилась к Ким Ир Сену:

– От Дапучайхэ до Маньцзяна я с этим грузом дошла без отдыха.

От Дапучайхэ до Маньцзяна составляло почти 40 километров.

От женщин-бойцов Полководец еще слышал и о боевых подвигах небольшого отряда.

По пути в Командование кончилось продовольствие, и партизанки переживали изрядные трудности. А случайно встретились с каким-то китайским антияпонским отрядом и вместе с ним внезапно напали на коллективное поселение под Дапучайхэ. В этом бою солдаты китайского антияпонского отряда имели хорошее оружие новейшего образца, но, перепуганные переходом врагов в контратаку, обратились в беспорядочное бегство. А корейские партизанки, хотя и были вооружены винтовками устаревшего образца «Таотун», здорово потрепали врагов. Воодушевленные мужеством и смелостью корейских женщин, китайские солдаты вернулись в боевые порядки и присоединились к преследованию врагов. Бой завершился победой.

Командирам, которые раньше имели порочное отношение к женщинам и считали организацию женской роты нерациональной, пришлось отменить свои неправильные мнения.

В апреле 1936 г. в лесу около Маньцзяна Ким Ир Сен организовал роту из женщин, собравшихся из разных местностей в поисках Командования.

Это было первое в истории строительства наших вооруженных сил женское боевое подразделение. Рождение женской роты стало своего рода событием. Оно сломало тысячелетиями укоренившиеся трафареты психологии и привычек уважения к мужчинам и презрения к женщинам, практически подняло духовное, общественное положение женщин на новую высоту, уравнило их с мужчинами.

Заявление «старика с трубкой»

В последней декаде марта 1936 г. один небольшой партизанский отряд, действовавший в районе Хэлуна, отправился на путь к Командующему Ким Ир Сену. Однако у них появилась головоломка из-за неизвестного мужчины, который все время следовал за отрядом. Бойцы предлагали:

– А почему вы все еще следуете за нами? Возвращайтесь домой!

– Почему вы обращаете внимание на меня? Вы идите своей дорогой, а я – куда нога ступает.

С такими спорами партизаны добрались до горной деревушки, как сразу доложили Ким Ир Сену, что с ними прибыл какой-то чудак.

Когда пришел гость, он колол дрова во дворе избы.

Проводив его к нему, командир-партизан рукой указал на Командующего, который колол во дворе избы.

А он повернулся к командиру, стоявшему за ним, и косо смо-

трел на него.

– Вправду, он сам товарищ Командующий, – еще раз уточнил командир.

А старик не хотел поверить ему и сказал:

– Нет, может ли это быть, чтобы Полководец Ким Ир Сен был так молодой и, как батраку, колот дрова да еще одеваться как придется?..

Он упорно настаивал на своем, а Ким Ир Сен, остановив работать, с улыбкой протянул ему руку и нежно поздоровался.

«Этого не может быть?!» – про себя проговорил старик и вымолвил:

– В народе я много слышал о Вас. Так много говорят о Вас, что я решил повидаться с Вами и узнать, какой он есть на самом деле.

Вот он был Ли Дон Бэк с прозвищем «старик с трубкой».

В Михуньчжэне Ким Ир Сен в течение нескольких дней делился открытыми разговорами и предложил ему возвратиться домой.

А он вместо ответа показал Ким Ир Сену заявление с просьбой о приеме в партизанский отряд, написанное на родном языке вперемешку с иероглифами.

– Что вы? В таком возрасте решили следовать за нами?

– Не беспокойтесь об этом. Под командованием Ыльчжи Мун Дока и Ли Сун Сина были воины в полтора раза старше меня. Значит, возраст тут не может быть причиной отказа.

– Кто же будет заботиться о вашей жене и детях? Они ведь ждут не дождутся вас в горной глуши Хэлуна?

– Говорят, бывает обидно, даже если получишь отказ от

ссылки, куда собрался было идти. Я покинул родной дом, чтобы посвятить себя великому делу спасения страны, а вы приказываете мне возвратиться. А вы встали на путь борьбы за спасение страны, потому что у вас есть люди, которые заботятся о вашей больной матери и двух младших братьях? Так ли это?

Никак нельзя было уговорить «старика с трубкой». И Полководец разрешил ему вступить в партизаны и в память подарил ему пистолет, которым постоянно пользовался целых два года.

– Знаете, что заставил меня остаться у вас? – с большим воодушевлением начал рассказывать Ли Дон Бэк, когда Ким Ир Сен показал вид ожидания. – Во-первых, это ваш незаурядный замысел о больших делах, а во-вторых, ваши заштопанные брюки и плач больных лихорадкой в Михуньчжэне... Я нашел подлинного хозяина корейской революции, настоящего хозяина, настоящего руководителя, отвечающего за судьбу Кореи. Вот главная причина, заставившая меня остаться здесь. Вы, Полководец, не занимаетесь пустыми разговорами и пустым доктринерством. Одного только этого преимущества достаточно, чтобы взволновать такого деревенского ученого, как я.

Глядя на него, Ким Ир Сен с улыбкой пошутил, есть ли у него еще третья причина? Сразу следовал ответ собеседника: «А почему нет! Есть, конечно. Это ваш творческий и практический образ мышления, несокрушимая вера в победу революции».

Вот это было содержанием его заявления о его приеме в партизанский отряд, о чем нельзя все написать на одном листе бумаги.

Снежный комок дает осознать истину

С формированием новой дивизии еще вырос главный отряд Корейской Народно-революционной армии, наряду с этим Полководец Ким Ир Сен более глубоко и широко развертывал идейно-организационную подготовку к созданию организации единого национального фронта и основанию партии.

Создание организации постоянного единого фронта и сплочение к нему патриотически настроенных антияпонских широких масс – это встало настоящей задачей, которая не терпит дальнейшего отлагательства.

Однажды на привале Полководец Ким Ир Сен, ускорявший подготовку к созданию Лиги возрождения Родины, со «стариком с трубкой» обменивался мнениями по вопросу об организации единого национального фронта.

«Старик с трубкой» высказал свои взгляды: Во Франции, в Испании и Китае существуют такие политические партии, как коммунистическая, социалистическая, Гоминьдан, и организации рабочего движения. Поэтому там было возможно создать Народный фронт путем объединения политических партий и других организаций. Но в условиях нашей страны, где в самом деле нет никаких политических партий и легальных организаций, вряд ли можно создать организацию единого фронта.

Ким Ир Сен дал собеседнику два комка снега и предложил

ему объединить их.

А он, сам согнув спину, еще сделал другой небольшой комок и покатывал его по снегу.

В один миг из него сделался еще больший снежный ком, чем объединил Ли Дон Бэк. Ким Ир Сен обратился к нему:

– Вот посмотрите, вы сделали одно целое, объединив две партии, а я покатаю небольшой комок и сделаю более крупный, чем у вас. Вы и в этом случае будете считать возможным создать организацию единого фронта только при наличии политических партий?

Ли Дон Бэк, не сводя глаз с комка на ладони Полководца, пробормотал:

– Да, это действительно разумная идея! Но комок есть комок, а партия есть партия.

Ким Ир Сен с доброй улыбкой сказал:

– Однако, к нашему удивлению, немало явлений природы, с которыми мы встречаемся, схожи в принципе с общественными явлениями.

Подробно рассказывая об опыте молодых коммунистов нового поколения, накопленном в деле сплочения широких слоев антияпонских патриотических сил, Ким Ир Сен продолжал:

–... При наличии масс и руководящего ядра вполне можно создать организацию единого фронта. Главное – общность целей и стремлений. Необходимо на этой основе сплачивать людей, пусть их будет поначалу десяток или сто. Таковы мои взгляды на единый фронт. Стоя на такой позиции, мы давно вели и ведем движение за создание единого фронта.

– Вот опять меня подвела догма! – с этими словами Ли Дон Бэк, барабана рукой себе по затылку, громко расхохотался.

Молитва в бревенчатом доме Ставки Командования

В то время Чхондогё было исконно национальной религией, присущей нашей стране, по своим основным идеям и идеалам

Дунганское совещание

Под руководством Ким Ир Сена с 1 по 15 мая 1936 г. в Дунгане уезда Фусун проходило совещание военно-политических кадров КНРА, которое еще более конкретизировало намеченный на Наньхутоуском совещании стратегический курс и объявило на весь мир создание Лиги возрождения Родины.

На нем Ким Ир Сен выступил с историческим докладом «Путем дальнейшего расширения и развития движения за создание единого антияпонского национального фронта добьемся нового подъема корейской революции в целом».

В докладе освещены значение и характер создаваемой ЛВР, основное содержание ее программы, намечены задачи по сплочению всей нации под знаменем ЛВР в единую политическую силу.

На совещании опубликованы разработанные лично Ким Ир Сеном «Программа Лиги возрождения Родины из 10 пунктов», «Учредительная декларация ЛВР» и «Устав ЛВР».

5 мая он провозгласил на весь мир создание ЛВР – первой организации единого антияпонского национального фронта в Корее.

оно являлось религией патриотического, прогрессивного направления.

Считая, что вполне возможно идти рука об руку вместе с прогрессивными последователями Чхондогё, выступающими за уважение человека и равенство, Полководец Ким Ир Сен в начале зимы 1936 г. встретился с южнохамгёнским провинциальным главой Чхондогё (точжоном) Пак Ин Чжином в тайном лагере для Ставки Командования.

– ...В столь суровую годину мы видим таких людей, как вы, которые сохраняют верность патриотизму, и это дает нам поистине большое воодушевление и радость.

– Это чрезмерная похвала. Я-то не заслужил ее, – ответил Пак Ин Чжин.

Он искренне извинился за то, что он, обманутый демагогией японских империалистов, хоть и одно время считал Народно-революционную армию, борющуюся за священное дело возрождения Родины, «шайкой бандитов».

– Для победы мы должны бороться сплоченными силами. Нельзя избежать поражения, если не сплачивать силы, и рассыпаться на части. Это горький урок, который преподает нам история. Пусть и совестливые последователи Чхондогё приобщатся к антияпонской войне и сплотятся вокруг Лиги возрождения Родины, – высказал Ким Ир Сен.

Вечером, беседуя с Пак Ин Чжином, он заметил, что время подходит к 21 часу. Выйдя вместе с ординарцем на двор и велел ему принести миску с чистой водой.

Когда ординарец показал вопросительный вид, он тихо объ-

яснил, что у последователей есть законная норма – почитать чистую воду в 21 час.

Последователи Чхондогё почитают чистую воду в латунной посуде. Это называется «молитвой в знак почитания чистой воды», что является законной нормой в мире Чхондогё, которую нельзя нарушать ни в один день. Для них чистая вода есть символ первооснов Неба и Земли, в ней воплощена их клятва не забывать милостей Неба и Земли. Чистую воду почитал Чвэ Че У – родоначальник Чхондогё и в последнюю минуту своей жизни, когда его казнили. Вот почему чхондогёсцы стали почитать чистую воду в латунной посуде как символ духа своего родоначальника, что вошло в традицию как законная норма и обычай.

Полководец Ким Ир Сен вошел в комнату и сказал Пак Ин Чжину, что пора почитать чистую воду.

– Вот вода из священной местности. Жаль, что она не в латунной, а в эмалированной посуде. Извините за то, что нет латунной посуды, и, пожалуйста, приступайте к обряду – почитать чистую воду.

Пак Ин Чжин глядел на Ким Ир Сена удивленными глазами:

– Как же мне почитать чистую воду, находясь в вашем, Полководец, военном лагере, где бойцы не привержены Чхондогё?

– Говорят, что в дни тонхактанского волнения тонхакисты даже на поле боя ежедневно молились, почитая чистую воду. Ведь вы как точжон секты соблюдали десятилетиями эту законную норму. Как же вам нарушать ее в нашем тайном лагере? Молитесь, пожалуйста, без стеснения.

Пак Ин Чжин как гость отказывался, соблюдая нормы приличия.

Но Полководец снова предлагал ему почитать чистую воду, говоря: «И в Программе ЛВР из 10 пунктов указано о человеческом равенстве и обеспечении свободы вероисповедания. Нам неловко, если вы, уважаемый точжон, отличающийся сильной верой, хоть раз пренебрежете обычной для вас законной нормой из-за того, что мы атеисты».

Скоро в бревенчатом доме Ставки Командования КНРА Пак Ин Чжин молился перед миской с чистой водой. Он не скрывал своего волнения со словом: «Мне довелось почитать чистую воду, которую выпивал родоначальник нашей страны, и я не смогу забыть всю жизнь того, что случилось сегодня вечером».

Юбилейный стол для помещика

В конце августа 1936 г. бойцы небольшой группы, направившиеся на партизанскую деятельность, глубокой ночью возвратились и привели к Полководцу Ким Ир Сену старика лет 70 и еще нескольких человек. Среди них был и помещик Ким Чон Бу.

Когда слава об Армии независимости потрясала весь Чанбай, Ким Чон Бу был шефом отдела южной части общества Кунбидан. Все его состояние уходило на приобретение тканей, продовольствия и других интендантских материалов для Армии независимости.

В лесной глуши Диянси им была учреждена частная школа *содан*, где обучали традиционным наукам Кореи. Скоро он перестроил ее в четырехгодичную начальную школу, а через некоторое время еще превратил ее в шестилетнюю частную школу, где учились более 150 учеников. Содержание этой школы, зарплата учителей – все помещик покрывал за счет своих доходов. В школе давали национальное образование – воспитывали учеников в духе борьбы за независимость, суверенитет государства, прививая чувство любви к своей Родине и нации.

Он давал своим арендаторам внести арендную плату на принципах добровольности и даже не определял им норму натуральной платы.

За его такие благодеяния жители Диянси в один голос восхваляли его, называя «наш батюшка», «господин наш шеф», «господин основатель нашей школы», а также перед его домом воздвигли памятник в честь высокой нравственности хозяина.

Ким Ир Сен встретился с Ким Чон Бу и первым просил прощения:

– Извиняемся, что заставили вас, пожилых людей, идти ночью, да еще в такую ненастную погоду. Ходим по незнакомым краям, и порой у нас бывают такие оплошности. Признаться, к вам наши товарищи отнеслись в чем-то непочтительно. Хочется верить, что вы их великодушно простите.

– Скажите, какой это ваш отряд? Вижу: по наряду вы не похожи на местных бандитов. Однако форма ваша не так, что у Армии независимости прошлых лет...

И Ким Чон Бу с нескрываемым любопытством внимательно

глядел на него.

– Мы Корейская Народно-революционная армия, боремся за независимость Кореи.

– Говорите, Народно-революционная армия?! Если не ошибаюсь, это отряд Полководца Ким Ир Сена? Тот самый, что недавно здорово потрепал япошек в Фусуне?

Ким Чон Бу спешно извинился за то, что не узнал Полководца Ким Ир Сена.

Ким Ир Сен благодарно ответил:

– Наши товарищи, не имея представления о сути дела, привезли вас сюда. Я им сказал: «Господин Ким – не прояпонский, не реакционный, а патриотический помещик». Хотя мы не можем воздвигнуть памятник в честь вашего благодеяния, как это сделали жители Диянси, но не будем принимать патриотического помещика за прояпонского. Заверяю вас, что впредь таких серьезных промахов не будет. Вы вправе гордиться своим прошлым, когда всю душу, всю энергию посвятили движению за независимость.

– Вы назвали меня патриотическим помещиком. Я уже старый, хоть сейчас умру, не будет у меня никакой досады.

На следующий день Полководец посоветовал старому Ким Чон Бу вернуться в село. А он категорически отказался и даже умолял:

– Прошу не лишать меня, ради бога, возможности содействовать достижению независимости страны.

Однажды в тайном партизанском лагере был накрыт пышный стол.

Полководец Ким Ир Сен налил полный стакан вина и предложил старику Ким:

– Извините, господин Ким, что вам приходится отмечать свой юбилей в такой горной глуши, в столь лютой мороз. Стол не ахти какой, но буду рад, если оцените нашу искренность. Кушайте на здоровье!

– Партизаны, вижу, питаются одной грубой похлебкой из кукурузы, терпят все муки ради того, чтобы вернуть потерянную Родину. Совестно мне, старику, принимать три раза в день горячую пищу – просто в рот не лезет. Тем более, отмечать в этих горах юбилей! Для меня, старика! Вашу заботу, Полководец, не забуду до гроба!

– От души желаю вам жить подольше, пока страна не станет независимой.

– Чего греха таить, до сих пор я косо смотрел на коммунистов. Но ваш коммунизм, Полководец Ким, вижу, совершенно иной. Помещиков вы делите на прояпонских и антияпонских, караете только прояпонских. Кому плох такой коммунизм? Жить-то живу, а сколько еще осталось мне жить? Хоть умру, но помочь Народно-революционной армии надо, – так он выразил свою волю.

После этого Ким Чон Бу отказался от стремления стать еще богаче, которое служит у помещиков и капиталистов фактором существования, и без сожаления жертвовал на помощь Народно-революционной армии свое имущество.

Бык вернут обратно хозяину

Осенью в 1936 г. главный отряд во главе с Ким Ир Сенем находился в Диянси в Шицзюдаогоу уезда Чанбай.

Оба бойца, посланные собирать засохшие листья капусты и редьки, вернулись, ведя за собой огромного быка. Оказывалось, они, на пустых полях собирая опавшие колосья то там, то сям, случайно встретились с крестьянами села Яошуйдуна, возвращающимися из рынка, а последние, узнав, что партизаны питаются лишь супом из сухих листьев капусты и редьки, передали партизанам своего быка.

Бойцы отказывались взять быка, но крестьяне так настоятельно просили принять животного в знак выражения их искренности.

Выслушав об этом, Ким Ир Сен вышел увидеть быка. Он медленно поглаживал спину упитанного быка. Аккуратно сделанное кольцо, прoderнутое в носу быка, желтый колокольчик и медные монеты на его шее... Долго и внимательно осматривая все украшения, он обратился к партизанам, обступавшим его:

– Давайте вернем быка хозяину.

Приведшие быка бойцы были ошеломлены от этого слова. Столь неожиданным был приказ для их, уже несколько дней терзаемых голодом.

– Вы знаете, почему я решил вернуть быка хозяину? Потому что бык является ценным имуществом для крестьянина. Посмотрите, как заботливо холил и любил его хозяин! Этот

колокольчик, наверное, передавался в его доме в наследство из поколения в поколение, как драгоценная реликвия. А медные монеты, может быть, принесла с собой бабушка того дома, когда она вышла замуж, а до этого долгие годы хранила их во внутреннем кармане юбки. Так наши матери выражали свое чувство привязанности к рабочему скоту.

Смотря на раскаивавшихся в своих поступках, продолжал Полководец:

– Другой причиной того, что мы должны вернуть быка, является то, что от такого скота во многом зависит земледелие крестьян села Яошуйдуна. Если мы, не вникнув в эти обстоятельства, забьем быка под предлогом, что его нам дали сами жители, то что будет дальше? Ясно, что хозяину и его соседям, пользовавшимся его быком, с завтрашнего дня придется справляться со всеми теми делами, которые выполнял бык. ...Вы, товарищи, почти все без исключения дети бедных крестьян. Подумайте о своих родителях, тех, которые страдают от непосильной работы.

Выслушав его слова, оба бойца вымолвили:

– Товарищ Командующий! Мы не верны вашему намерению – нарушили правило любезного отношения к массам. Прошу Вас наказать нас!

Итак, бык вернулся обратно к хозяину.

Цзинъанская армия уничтожена от тактики рассечения

Это было в середине февраля 1937 г.

Когда часть добралась до села близ Яофанцзы, Полководец Ким Ир Сен отдал приказ стоять биваком и послал разведгруппу в Таоцюаньли. Разведчики приобрели сведения о том, что солдаты Цзинъанской армии вечером того же дня зайдут в Таоцюаньли.

Из Яофанцзы до Таоцюаньли составило 12 километров, а нужно было пройти по тропинке через леса, где буйно росли береза, колючие кустарники, высокие камыши и осока.

Ким Ир Сен решил сначала изрядно измотать врагов отвлекающим боем малого отряда, а потом уничтожить полностью боем из засады силами большого отряда.

Он приказал организовать отвлекающую группу из двух взводов и расположить их на склоне плато, а 7-му и 8-му полкам, основным силам главного отряда, – продолжать поход вперед.

Бойцы отвлекающей группы, скрывавшиеся вблизи большака в Таоцюаньли, обрушили на голову походной колонны врагов внезапный шквальный огонь, когда появилась она. Затем быстро ускользнули и передвинулись на плато с зарослями колючего кустарника, где укрылись засадные группы.

Не знающий об этом противник, ни в чем не сомневаясь, преследовал отвлекающую группу. Из-за этих колючих зарос-

лей их ряды распадались на части. Не упустив шансы, бойцы засадных групп обрушивали на эти группы шквальный огонь. Погибло несколько сотен вражеских солдат, нарвавшись на тактику рассечения Ким Ир Сена.

Когда спустились сумерки, неприятель дал тягу в сторону села Таоцюаньли, оставив на поле боя множество трупов своих солдат, бросив и раненых.

Противнику пришлось выйти из села почти за полночь. К этому времени отряд КНРА уже завершил подготовку засады на обочине большака перед Таоцюаньли и ждал врагов во всеоружии около получаса.

Противники, целый день голодные и изможденные от боевой тактики революционной армии, поужинали по горло и шли расслабленными шагами от сонливости после еды.

Когда все они попали в участок засады, Ким Ир Сен отдал команду об огне.

В этом бою бойцы КНРА полностью разгромили солдат Цзиньанской армии.

5. С ТРУДНЫМИ ИСПЫТАНИЯМИ

- 104 || **Молниеносный бросок под Сяотанхэ**
- 106 || **Возвращение в Тоудаолин**
- 107 || **Бракосочетание батрака-парня**
- 110 || **История с боем в Почхонбо**
- 111 || **Пламя в Почхонбо**
- 113 || **Непобедимый партизан**
- 114 || **Объединенный митинг армии и народа на плато под Диянси**
- 116 || **«Тыква» в Цзяньсаньфэне**
- 119 || **Мальчики с ружьями**
- 121 || **Письмо, присланное к новобранцу**
- 123 || **Чашка толочна**
- 125 || **Тактика неуловимых на плоскогорье Фухоушуй**
- 127 || **Случай с солью**

Молниеносный бросок под Сяотанхэ

Весной в 1937 г. главный отряд, возглавляемый Полководцем Ким Ир Сенем, отправился в рейд в Фусун.

Покинув Янмундинцзы, главный отряд шел в Дунган и попал во вражеское кольцо окружения в Сяотанхэ.

Задействовав большие силы в несколько тысяч солдат, враги слоями создавали плотные кольца окружения. Ночью цепь костров, опоясывавших главный отряд в несколько рядов, открывала взору море огня.

Командующий карательной экспедицией перед группой журналистов хвастливо заявил: «Наши отряды сталкивались с коммунистической армией Ким Ир Сена. Ему, Ким Ир Сену, не больше 30 лет. Его отряд представляет себя самыми крупными в Дунбяндао силами численностью. Но ныне он оказался в положении мыши, попавшей в ловушку».

– Товарищ Командующий, наверно, выхода нет. Придется готовиться к смертному бою, – сказал с отчаянием в голосе командир 7-го полка.

Осматривая сверху ущелье, превратившееся в море больших и малых костров, Ким Ир Сен напряженно думал над тем, как выйти из окружения.

Тут же он отдал команду – выйти на населенный пункт и по большой дороге совершить поход в направлении Дунгана. И обратился к командирам, готовым к смертельному бою.

– Сейчас враги сосредоточили здесь вооруженные силы в несколько тысяч человек. ... Стало быть, близлежащие села и дороги, вероятно, опустели и остались без всякого контроля. Теперь враги обращают внимание только на тайгу. Им не приходит в голову мысль, что мы уйдем по шоссейной дороге. Вот в чем их промашка. Пользуясь этим, нам следует быстро передвинуться в Дунганский тайный лагерь...

Как он и предполагал, на шоссе и в соседних селах не было ни единой души. Отряд беспрепятственно миновал многие села, быстро двигаясь в сторону Дунгана, словно экспресс, мчащийся по железной дороге.

Фусунский поход

Этот поход главного отряда КНРА совершен в марте 1937 г. под личным командованием Ким Ир Сена.

Одна цель похода – заставить противника следовать за КНРА, покидающей Чанбайскую землю, и таким образом, сделать систему его пограничной обороны уязвимой, другая – в процессе похода в достаточной мере воспитывать, закалять новобранцев в политическом, военном и моральном отношении, как того требует создававшаяся ситуация и миссия КНРА.

Возвращение в Тоудаолин

В начале мая 1937 г. главный отряд КНРА, закончивший интенсивную военно-политическую подготовку в Дунгане за месяц, вместе с Командующим Ким Ир Сенем отправился на путь продвижения на Родину.

«Как можно скорее пойдём на Родину!»

С приподнятым настроением все начали марш. А спустя немного они узнали, что направлялись не на родную землю. Отряд опять возвращался на местность, где прошлой зимой они миновали с трудными боями.

«Почему товарищ Командующий изменил план?.. Все хотят торопиться на Родину...»

С таким вопросом они продолжали марш.

В третий день после начала марша отряд достиг Тоудаолина. Остановив походную колонну, Ким Ир Сен спросил одного-то бойца:

– Где-то здесь вблизи мы похоронили Чвэ Гым Сана. Не так ли?

Его вопрос сильно взволновал партизанских бойцов, оглядывавших округ. Значит, Ким Ир Сен пришел сюда, никак не забывая его.

Ординарец Ставки Командования Чвэ Гым Сан погиб в марте 1937 г., во время похода в Фусун. На часть, остановившуюся

с ночлегом, внезапно налетели противники. Ординарец заметил, что Командующий отходил в самом хвосте отряда, и в критический миг стал живым щитом, смертельно охраняя его. Его армейская форма до нитки была пропитана кровью.

Земной покров Тоудаолина так твердо смерзся, что нельзя было выкопать землю ни топором, ни штыком. Пришлось похоронить Чвэ Гым Сана прямо в снегу.

Впоследствии, когда снег растаял, Ким Ир Сен опять посетил то место, где был похоронен Чвэ Гым Сан. Переодев его в новую военную форму, похоронил его как следует на солнечном месте, а перед могилой посадил несколько кустов азалии. Оглядывая его могилу, окруженную азалиевыми кустарниками с цветочными бутонами, он мысленно простился с боевым соратником.

«Прощай, Гым Сан! Мы снова возвращаемся в горы Пэкту! Этим же летом вместе с отрядом обязательно продвинемся на Родину, чего ты так желал. Вступив в пределы Родины, отомстим врагам за тебя в сто и в тысячу крат!»

Командующий Ким Ир Сен отдал отряду команду о походе на Родину.

Бракосочетание батрака-парня

В последней декаде мая 1937 г. отряд КНРА, завершив поход в Фусун, вновь вернулся на землю Чанбая и готовился к про-

движению на Родину.

Цзичэнцунь был небольшим поселком всего лишь с несколькими дворами. Остановившись там, Полководец Ким Ир Сен познакомился с парнем-батраком по имени Ким Воль Ён.

Люди говорили, что он с малолетства бродил батраком по разным местам, и никто не хочет выдать свою дочь за него. Хотя ему перевалило 30 лет, он не успел даже жениться. Огрубелые руки, согнутая, как дуга лука, спина, поношенная одежда...

Покидая Цзичэнцунь, Ким Ир Сен попросил старика Чана – хозяина дома:

– Отец, у меня к вам большая просьба. Вчера ночью я не смог заснуть от мысли о Ким Воль Ёне. Следовало бы старшим людям поселка общими усилиями найти ему хорошую невесту и справить свадьбу.

– Извиняюсь, что мы обеспокоили вас, Полководец, даже такими вещами. Пожалуйста, не беспокойтесь об этом. Мы посоветуемся между собой и женим того человека непременно, – ответил он.

Старики Цзичэнцуня честно выполнили свое обещание. С их помощью батрак-парень Ким Воль Ён нашел подходящую девушку и скоро женился на ней.

Слышав эту весть, Ким Ир Сен дал начальнику интендантской службы распоряжение – подобрать наиболее высококачественные ткани и продукты из трофеев и послать их в Цзичэнцунь.

– Полководец, обязаны ли мы непременно направить на эту свадьбу подарки? – спросил он неожиданно.

– Обязательно. Что, это вам не нравится?

– Честно говоря, не хочется направлять свадебные подарки. Как много товарищей, которые праздновали свою свадьбу, что бывает только раз в жизни, одной чашкой риса и погибли в бою?!

Ему было понятно настроение начальника интендантской службы.

– И мне больно в сердце, когда думаю о такой бедности. ... Но не может быть, чтобы все другие тоже справляли свадьбу с одной миской каши только потому, что мы так делаем. ... Разве мы, молодежь Кореи, взявшая оружие в руки с решимостью добиться возрождения нации, не в состоянии справиться на славу свадьбу хотя бы одного человека, этого Ким Воль Ёна?

В тот же день начальник интендантской службы сходил в Цзичэнцунь, взяв с собой свадебные подарки. Вернувшись, он сказал:

– Уважаемый Полководец, свадебные подарки всей молодежи Западного Цзяньдао мы будем посылать.

Скоро шире распространялась весть о том, что КНРА помогла батраку-холостяку жениться и послала ему свадебные подарки. И больше крепили доверие и надежды масс по отношению к Народно-революционной армии.

История с боем в Почхонбо

В один из майских дней 1937 г. Полководцу Ким Ир Сену доложили, что противники создавали крупное кольцо окружения с тем, чтобы покарать часть 4-й дивизии, выступившей в район Мусана. Если бы не принялись срочные меры, то отряд попал бы в опасное состояние.

Скоро он позвал к себе военно-политических кадров КНРА и обратился к ним:

– Мы должны непременно продвинуться на территорию Кореи. В этом не может быть ни изменения, ни отмены. Мы обязаны также как можно скорее спасти отряд Чвэ Хёна. Ссылки на важность операции по выступлению в Корею не могут оправдать нас, если мы оставим товарищей по революции на растерзание врага. Где же тогда выход? Мое решение таково: ударить по одному пункту в стране и поймать сразу двух зайцев...

– Какая местность подразумевается под этим пунктом?

Когда Командующий указал Почхонбо на карте, командиры ошеломленными глазами глядели друг на друга.

– Товарищ Командующий, налетев на тот небольшой поселок, мы можем достичь нашей цели? – спросил один из командиров, будто не понимая его.

Оглядывая командиров, Командующий начал объяснять:

– Надо ударить по Почхонбо, тогда враги, сосредоточенные в направлении горы Пегэ, опасаясь оказаться в окружении наших главных сил и отряда Чвэ Хёна, могут отказаться от боя на окружение и от преследования, отвести свои войска с того рубежа, куда они уже продвинулись. Если ударить по Почхонбо, то это может вызвать в стране потрясающую сенсацию, не хуже, чем ударить Хесан. Поэтому можно успешно достичь цели наступления на территорию страны.

На собрании было решено неизменно исполнить оперативное предложение Командующего Ким Ир Сена.

Пламя в Почхонбо

4 июня 1937 г. отряд, выступивший на родную землю, спустился с горы Кончжан и добрался до тополя на берегу речки Карим. По времени это было после 21 часа.

Из домов в тихом городке выливались тусклые светлы.

Ровно в 22 часа Ким Ир Сен, взглянув на часы, медленно поднял над головой маузер. «Бах!» Раздался звук выстрела, объявляя о начале боя.

Вскоре недалеко от командного пункта раздавались пулеметные очереди, а винтовочные и маузерные выстрелы гармонично сотрясли все улицы и переулки.

Выстрелы, раздававшиеся повсюду, спустя немного постепенно ослаблялись, а скоро будто утихло. Порою то там, то тут в городке слышались один-два выстрела, а скоро прекратились и они, зато взметывались к небу языки пламени.

Вначале жители, сильно удивленные выстрелами, не хотели высунуть головы из домов, а когда прекратились выстрелы и столбом поднялось пламя под зданиями вражеского правления, они наперебой выбежали из домов и собрались на улице перед помещением волосной управы.

Ознакомляясь с листовками и воззваниями, которые разбросали пропагандисты-партизаны, жители с поднятыми руками кричали «Мансе!»

«Пришел Полководец Ким Ир Сен!»

«Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

Высоко подняв руку, Ким Ир Сен ответил на ликование масс и радостно встретился с населением Родины. Оглянув толпу собравшихся и подняв руку, он начал речь.

«Дорогие соотечественники! Взгляните на разгорающееся пламя. Это бушующее пламя – предвестник гибели врага. Это пламя оповещает весь мир о том, что наша нация не умерла, она жива, она может победить в борьбе с разбойническими японскими империалистами. ...»

Он обратился с призывом всем патриотическим силам – крепко сплотившись, как один подняться на борьбу за разгром японских империалистов и дело освобождения Родины.

Наравне с возгласами жителей пламя в Почхонбо более разгорелось, освещая темноту.

Непобедимый партизан

В следующий день после успешного завершения боя в Почхонбо на рассвете Полководец Ким Ир Сен, возглавляя отряд, поднялся на Коуюйшуйгоу.

Ему казалось, что гарнизонам в пограничных зонах уже был отдан приказ о чрезвычайной мобилизации, и его предчувствие подсказывало, что именно здесь развяжется бой, если суждено ему быть.

Гора была каменистая, она имела большой уклон – 60 градусов. Весь отряд взобрался на вершину горы, когда Полководец приказал выкопать окопы, вместе с этим складывать в определенных местах кучи валунов.

Как стало рассветать, из позиции поста пришел сигнал о появлении врагов.

Когда они дошли близко к позиции, он приказал открыть огонь. С вершины дружно заработали винтовки и пулеметы. И он сам из винтовки вел прицельный огонь.

Под ураганом огня партизан неприятельские солдаты, распластавшись меж камней, начали открывать ответные стрельбы.

Полководец приказал бойцам скатывать камни. И вот вниз

по крутому склону покатались валуны. В одно мгновение враги свалились от каменной лавины и пулеметной очереди, и их группы валялись беспорядочно. В тот день уцелели и удрали всего лишь несколько человек.

В конечном счете, враги понесли сильный удар в Почхонбо, а в этот раз им опять досталось на Коуюйшуйгоу.

Жители, которые с грузами шли вместе с партизанами еще с Почхонбо, став живыми очевидцами всего хода боя, сильно были восхищены мужеством КНРА со словами: «Самураи бахвалились своей «непобедимостью», но настоящей несокрушимой силой является не японская армия, а Народно-революционная армия», «Вот это да. Наша армия, возглавляемая Полководцем Ким Ир Сенем, самая непобедимая!»

Объединенный митинг армии и народа на плато под Диянси

В июне 1937 г. в Диянси в Шицзюдаогоу уезда Чанбай произошла трогательная встреча антияпонских партизан. Здесь Полководец Ким Ир Сен увиделся с отрядом Чвэ Хёна, благополучно вырвавшимся из вражеского окружения.

В тот день, когда партизанский отряд прибыл в Диянси, к нему пришел староста поселка в Шицзюдаогоу. Он сказал: Сельчане хотят поздравить вас с победами в боях в Почхонбо и

на Коуюйшуйшане. И вот готовят кое-какую еду, хотя, конечно, не такую уж и обильную. Желательно, чтобы армия и народ, собравшись за одним столом, отведали наши кушанья.

Но Ким Ир Сен не смог принять его предложение. И посоветовал старосте, что лучше бы отказаться от приготовления пищи.

А тут он стал упрячиться и настойчиво просил:

– Послушайте, Полководец, – настаивал он, – это не моя личная просьба. Это же мнение жителей Шицзюдаогоу. Очень прошу не отказаться, ради бога, от нашей просьбы. Если вернусь от вас, не получив согласия, – что будет со мной? Будут насмехаться даже и бабы, говорить: вон видишь, какой он никудышный, чего доброго, выгонят и забросают меня камнями. Я сам-то могу многое стерпеть. Но тут, знаете, всем селом начнут плакать. Что делать тогда?

Ким Ир Сену все более казалось неудобным отказать ему и предложил:

– Раз такое дело, давайте поступим так. Покушать с гостями в домах жителей и разойтись – бессмысленно. Лучше бы армии и местным жителям собраться в одном месте и всем вместе повеселиться вдоволь. Как, по-вашему? Давайте отпразднуем день под именем: «Объединенный митинг армии и народа». Торжественное мероприятие организуем на плато под Диянси среди бела дня, как бы демонстративно. Пусть военные и жители побудут вместе и тем самым воодушевят друг друга, делясь своими теплыми чувствами. Пусть будут

и развлечения, и спортивные состязания, чтобы, так сказать, и небо и земля сотрясались. Пусть все в этот день веселятся, забыв обо всем на свете.

Так в середине июня на плато под Диянси был открыт объединенный митинг армии и народа. Места для военных и местных жителей не отделялись друг от друга: все собрались в одной куче.

В тот день Полководец Ким Ир Сен от имени Народно-революционной армии произнес речь «Ускорим процесс возрождения Родины объединенными силами армии и народа». Затем слово было предоставлено представителям революционных организаций, которые поздравили КНРА с великой победой в рейде на Родину.

В лесу начали звучать песни с танцами. Объединенный митинг в Диянси было миниатюрой антияпонской революции, прошедшей тернистый путь истории, когда народ любил партизан, а партизаны защищали его.

«Тыква» в Цзяньсanhфэне

Для того, чтобы еще приподнять высокий боевой дух партизан и народа, а также еще раз продемонстрировать японским агрессорам мощь КНРА, Полководец Ким Ир Сен решил нанести удар по коллективному поселению в Бапаньдао уезда Чанбай.

Там располагался карательный отряд марионеточной армии

Маньчжоу-Го, насчитывавший более 300 штыков. Главный отряд добрался до рубежа Цзяньсanhфэна примерно в конце июня 1937 г.

От местной подпольной организации поступила информация о том, что в направлении Хесана прибыли японские войска и переправились через реку Амнок в Синпха.

Полководец приостановил поход в сторону Бапаньдао и поискал подходящее место для боя. Для достойной встречи противника Цзяньсanhфэн больше подходил к бою.

Утром в следующий день враги повели атаку на Цзяньсanhфэн. С рассвета шел мелкий дождик и стлался густой туман. С поста, находившегося на вершине горы, где расположился отряд Чвэ Хёна, раздался сигнальный выстрел. Беспокоясь, что передовой пост может быть окружен, Чвэ Хён взял с собой роту и бросился на передовую позицию. Однако враги моментально окружили это подразделение, ведомое Чвэ Хёном.

Ким Ир Сен приказал комроты Ли Дон Хаку взять с собой коммандантскую роту и как можно быстрее выволить подчиненных Чвэ Хёна из окружения. Выставив солдат марионеточной армии Маньчжоу-Го впереди себя, под партизанские пули, японские войска развили яростный натиск. Но они не смогли выдержать совместных молниеносных ударов рот Чвэ Хёна и Ли Дон Хака с обеих сторон. Захватив инициативу, они несколько раз загоняли противника в ущелье и били его целый день.

Солдаты противника, шагая по трупам сослуживцев, шли

и шли на нас волнообразными цепями. Партизаны установили свыше 10 пулеметов, которые образовали перед передовой линией свинцовую завесу из пуль, но враги беспрерывно продолжали напирать на нас сплошной лавиной.

И такие атаки продолжались целый день. Для партизан этот бой был необычайно трудным. В некоторых местах противнику удалось прорваться к нашим позициям. Там дело дошло до рукопашных схваток. К тому же шел не переставая дождь, отчего поле боя выглядело особенно трагичным и мрачным.

А на высоте, где был расположен отряд КНРА, начала громко разноситься песня. Песня «Ариран», которую поют партизанки, охватывала все поле боя. Она сильно вдохновляла боевой дух корейских партизан, а духовно подавляла врагов и вызвала страх у них.

Несмотря на большие потери в живой силе, противник до самого вечера, даже в ненастье не прекращал атак. Тут Ким Ир Сен, связавшись с малым отрядом, возвращавшимся со стороны Баянпандао, куда он ходил в разведку, и с группой добывания провианта, приказал им совместно нанести удар противнику с тыла. Противники почуяли опасность оказаться зажатым, образно говоря, между наковальней и молотом. Воспользовавшись темнотой, они собрали остатки своего разбитого войска, – что-то около 200 человек, – и поспешно удрали с места сражения.

Бой на Цзяньсаньфэне завершился победой КНРА.

На следующий день после боя враги поспешно собрали в селениях вблизи Хесана, Синпха и Цзяньсаньфэна все носилки,

повозки и машины и стали перевозить своих убитых. Убитых и раненых японских солдат было столь много, что от трупов отрубали лишь головы и, запихав их в мешок или ящик, перевозили на телегах до стоянки автомашин.

Крестьяне района Цзяньсаньфэна несколько дней просто задыхались от дыма и вони при сжигании трупов.

Какой-то крестьянин как бы невзначай спросил у японского солдата, занятого транспортировкой трупов:

– А что сейчас перевозится на телегах?

Тот лукаво ответил по-японски:

– Тыква.

Крестьянин тотчас же насмешливым тоном сказал ему:

– Урожай тыквы, видно, богатый. Это хороший овощ для супа, так что желаю вам побольше кушать его.

Мальчики с ружьями

Летом в 1937 г. главный отряд, возглавляемый Полковником Ким Ир Сенем, выступил в район гор Пэкту и одержал победу за победой в боях с япошками. Эта весть облетела широко, волнующая сердца людей.

Ознакомившись с ней, множество молодых людей собирались вступить в КНРА. Таким стремлением горели не только молодые люди, перешагнувшие 20 – 30-летний возрастной ру-

беж, но и такие десятилетние подростки.

Однажды комиссар 7-го полка доложил Командующему о работе с людьми, подавшими заявление о вступлении в Народно-революционную армию, и сказал:

– Товарищ Командующий, у меня одна беда. 20 мальчиков, зацепившись за меня, упрямо просят принять их в армию. Причем, они не достигли ростом и длины винтовки. Просто я не знаю, как поступить с ними. Пытался я уговорить их, чтобы они приходили попозже, когда подрастут. А они говорят, что не уйдут, не повидавшись с Вами. И слышать не хотят ничего другого.

Ким Ир Сен сразу направился к мальчикам. Глядя их по головам и похлопывая по плечам, он тепло ответил на их приветствие и поговорил задушевно с каждым.

Все они, потеряв родителей, братьев и сестер или лишившись близких родных во время карательных операций врага, пережили всякие трудности и несчастье.

Ким Ир Сен попытался уговорить мальчиков такими словами: Считаю очень похвальным то, что вы решили взять в руки оружие, чтобы отомстить врагу за пролитую кровь родителей, братьев и сестер. Это является выражением чувства любви к стране. Но, по-моему, вы слишком малы для того, чтобы принять вас в революционную армию. Вы не можете даже вообразить, какие трудности выпадают на долю партизан – ваших старших братьев и сестер. Бойцам революционной армии приходится в разгар зимы спать в горах на снегу. Бывают походы, продолжа-

ющиеся много дней, причем в ненастье. Когда кончается продовольствие, голод приходится смирять корнями трав, корой деревьев или одной водой. Вот такова жизнь в революционной армии. Мне кажется, что вы не сможете вынести все эти тяготы. Не лучше ли взять вам оружие потом, а пока сидеть дома, когда вы немного еще подрастете...

Тут мальчики вскакивали с места, как пружины, и умоляли:

– Уважаемый Полководец, мы готовы вынести самые невероятные трудности, можем спать на снегу рядом со взрослыми и идти в бой вместе с ними. Прошу вас, только принимайте нас в партизанскую армию.

На следующий день Ким Ир Сен ознакомился с текстами клятвы, написанными мальчиками. И собрал командиров и политруков рот и выше в помещении командования, официально объявил о формировании детской роты из членов Детского отряда из Мааньшаня, из группы мальчиков, прибывших из Западного Цзяньдао.

Так на свет впервые в истории появился вооруженный отряд – детская рота.

Письмо, присланное к новобранцу

Это было, когда главные силы КНРА проводили в зимний период интенсивную военно-политическую подготовку в Ма-

тангоу уезда Мэнцзян. Она длилась без малого четыре месяца – с последней декады ноября 1937 г.

Прошло немало времени после начала военно-политических занятий, а среди новобранцев 7-го полка нашелся один ленивый «ученик».

Друзья советовали ему прилежно учиться, но он каждый раз вместо того, чтобы прислушаться к такому совету, забрал себе в голову другое и говорил: «Слушайте, ребята, ради бога. И предводитель Хон Бом До был точно таким же неграмотным, как я, но был начальником Армии независимости – здорово командовал. Вы говорите: если не знаешь – не сделаешь революцию. Что это за чепуха, а?»

Об этом доложили Ким Ир Сену, и он написал письмо к тому новобранцу и передал его через ординарца. И велел строго предупредить: никто не должен читать вслух ему это письмо.

Неискушенный новобранец, обескураженный «сюрпризом», просто не находил себе места. А как иначе! Рядовой боец получил личное послание от Командующего! Беда состояла в том, что парню было совсем неизвестно, что написано в письме. Обращался к знакомым, умолял прочесть ему написанное. Но те под разными предлогами отказывали в его просьбе. И сетовал на них, но только в заколдованный круг он попал.

Ему пришлось с письмом направиться к командованию. Понурился перед Ким Ир Сену, он прерывисто еле вымолвил:

– Товарищ Полководец, ... Никто не хочет читать мне письмо от Вас. И так с ним пришел к Вам.

Ничего не сказав, Полководец взял у него письмо и сам зачитал ему письмо. В нем содержалось срочное распоряжение, а уже прошло время, указанное в распоряжении. Он просто не смел поднять голову, по его лицу текли струи пота.

Тут Полководец говорил ему: «Вот видишь, из-за того, что ты – человек неграмотный, даже не выполнил приказа Командующего. Теперь представь такое. Если бы я дал тебе какой-то приказ в письме, когда ты действуешь во вражеском районе, то что случилось бы, по-твоему, а? Учеба для революционера – первейший долг. Ему следует прилежно учиться всегда и в любых местах!»

Чашка толлокна

Трудный поход, начатый с зимнего периода 1938 г., охарактеризовался буквально невыносимым трудом, на его пути нагромождались испытания и лишения.

Трудно было переносить назойливое преследование японской карательной экспедиции, которая цепко вцепилась, как клещи, и не давали покоя, и морозы, так сильные, что трескается и береза, но бойцов КНРА больше мучил голод. В лесах, покрытых снегом глубиной в человеческий рост, им приходилось

почти каждый день вести бои с преследующим противником и продолжать поход.

Однажды ординарец Ставки Командования достал толокно, которое в своих вещмешках носил в качестве НЗ, и угостил им Командующего Ким Ир Сена.

А Командующий уступил его самому младшему из ординарцев. Тот получил его и просто не знал, как делать. У него на глазах выступили слезы.

Ким Ир Сен сказал: «Не беспокойся обо мне и кушай» и, погладив мальчика-ординарца по голове, покинул место. Но тот совсем не трогал его и отдал другому ординарцу. В итоге,

Трудный поход

С декабря 1938 г. до конца марта 1939 г. главные силы КНРА совершили переход от Наньпайцзы уезда Мэнцзян до Бэйдадинцзы уезда Чанбай за 100 дней с лишним. Этот переход получил название «Трудный поход».

От Наньпайцзы до Бэйдадинцзы пешеходу хватило бы пяти-шести дней на весь путь. А совершая поход в условиях непрекращающегося преследования врага, под постоянными угрозами окружения, антияпонские партизаны только через 100 с лишним дней смогли добраться до назначенного места.

Если резюмировать вкратце содержание Трудного похода, то можно сказать: бойцам КНРА довелось изведать на себе сложное переплетение всех аспектов борьбы с суровой природой, с крайней нехваткой продовольствия, с невообразимым переутомлением, со страшными болезнями.

чашка толокна вернулась опять в вещмешок.

Продолжался поход. Посоветовав, как угостить Командующего толокном, ординарцы разделили его в меру на две порции и оставили одну на запас, а другую подали Командующему.

Он велел ординарцам принести их вещмешки и взглянул в них. Им волей-неволей пришлось достать и другую порцию, которую глубоко хранили в вещмешке.

Положив открытую газету, он просил ординарцев сесть вокруг него и, сделав из бумаги ложку, ровно раздавал толокно им со словом: Ешьте его, считая, что это один *маль* (старинная корейская единица емкости, равная около 18 литров). Тогда вы насытитесь. Ну-ка, берите.

Ординарцы больше не смогли уступить и разбавили толокно в воде. Но от слез толокно не лезло в горло.

Ким Ир Сен окружал своих подчиненных так теплой заботой, что никак невозможно измерить только чашкой толокна. Это внушило им силу и веру, и они смогли с победой завершить небывалый доселе в истории Трудный поход.

Тактика неуловимых на плоскогорье Фухоушуй

Однажды в середине февраля 1939 г. главные силы КНРА, возглавляемые Полководцем Ким Ир Сенем, добрались до

плато Фухоушуй.

Глубоко задумывая, как уйти от полчища японских карателей, назойливо преследовавших партизан, Ким Ир Сен приказал повторить обход плато.

Отряд уже два раза обходил его, как уже стало темно в лесу, и образовалось так большое расстояние между партизанами и противниками. Тут появился новый карательный отряд, который оказался между партизанами и преследовавшим их отрядом врага.

Бывал и такой странный случай, когда преследовали бойцов КНРА два отряда противника вместе, но они не имели связи между собой, так как для обхода плато требовался почти целый день.

Ким Ир Сен, определив ситуацию, приказал бойцам продолжать обход плато, каждому срубить по одному дереву длиной с оглоблю, нести его на плечах.

Когда партизанский отряд, обойдя плато Фухоушуй, опять вернулся на место отправления, в этот раз он отдал команду – положить деревья между пнями и по стволам отходить в сторону в лес в 500 метров и убрать их. Затем он, выставив часовых на расстоянии 300 м вперед, приказал бойцам сделать передышку.

Спустя немного от часового пришел доклад: солдаты карательной экспедиции, преследовавшие за партизанами, не заметили их след, просто миновали их и продолжали обходить плато.

плато, следуя друг за другом.

Стало заходить солнце, и враги лихорадочно торопились догнать «революционную армию», пока не было темно. Когда каратели, следовавшие за хвостом партизан, догнали своих, неизвестно появившихся между ними и партизанами, вокруг уже царил мертвый мрак.

Торопливо преследовавшие начали наугад стрелять по своим, идущим впереди, а получившие подзатыльник, подумав, что их атакует революционная армия, ответили перестрелкой.

Так японские каратели, висевшие на хвосте друг друга всю ночь, понесли глупые потери и подняли вопль: «Их не поймать! Они же применяют тактику неуловимых – то мгновенно появляются, то мгновенно исчезают, то поднимаются в небо, то сквозь землю проваливаются».

Случай с солью

Случай с солью произошел в последней декаде марта 1939 г. на исходе Трудного похода. Самой тяжелой, нестерпимой из трудностей для антияпонских партизан, была нехватка соли.

У партизан, не принимавших соль, лица разбухли, а все они, словно пьяные, утрачивали равновесие и шатались из стороны в сторону.

Ким Ир Сен дал одному новобранцу задание – добыть соль

и прикрепил к нему одного помощника.

Отправившись на вражеский район, он встретился с отцом в горах. У сына услышав причину прихода, старик диву давался: «Виданное ли дело? Из-за соли революционная армия доведена до такого состояния, что не может даже воевать? Что бы ни случилось, достану соль».

Но достать соль оказалось не так легко, как обещать на словах.

В те времена ведомство Маньчжоу-Го и полицейские учреждения не разрешали продавать в магазинах соль сверх определенной нормы. Их служители то и дело приходили в магазины, тайно расследовали и контролировали продажу этого продукта.

В таких условиях отец партизана решил достать хотя бы на один-два *кына* больше и обратился за помощью к соседу-старика, с которым он всегда жил душа в душу. Выслушав его, старый сосед обещал помочь. Однако, как на грех, этот сосед, малость возгораясь, рассказал еще одному своему близкому приятелю-старика.

А тот третий старик, не зная, что его собственный сын, член прояпонского общества «Кёвакай», – сыщик, и выдал секрет. Его сын, японский сыщик, сразу донес своему начальству о том, что он услышал от своего отца.

Спецслужбы Квантунской армии, узнав об этом, приказали полицейским учреждениям скупить всю соль, имевшуюся в продаже в магазинах района Сигана, и доставить в торговую сеть другую соль, экстренно привезенную из Чанчуна на само-

лете. Новая соль была отравленной. Она не убивала сразу. Но после еды с этой приправой постепенно появляется головная боль, подкашиваются ноги, теряется боеспособность.

Скоро двое стариков закупили соль и пришли к месту партизанской стоянки в сопровождении бойцов, получивших задание достать соль.

А антияпонской героиней – товарищем Ким Чен Сук сразу было выяснено, что та соль отравлена, и сразу всем частям был передан приказ Командующего – вернуть назад соль. Но некоторые партизаны уже попробовали ее.

В тот день партизанам пришлось вести трудоемкий бой с япошками, которые налетели на них, рассчитав, что все они свалились, приняв отравленную соль. Жаркие бои продолжались в течение двух дней. Успев отразить вражескую атаку, отряд ушел в безопасные лесные массивы.

И бойцы разных полков, отравленные солью, восстановились постепенно. Некоторые командиры и бойцы хладнокровно относились к новобранцу и его отцу, думая, как бы они сделали что-то с солью, а некие из них предлагали сейчас же расправиться со стариками, доставившими им соль.

Резко упрекнув их, Ким Ир Сен сам лично встретился со стариками и расспрашивал их, каким путем достали соль, где родились и как поживают. И говоря, что они ни в чем не виноваты, он поблагодарил их за искреннее желание помочь партизанам. Еще посоветовал отцу: «Кто знает, какую расправу учи-

нят разъяренные враги, когда вы вернетесь в селение? И лучше переместиться на другую местность». Он указал, каким способом тайно эвакуировать семью, и даже дал им немало денег на дороги.

Вместе с этим, он дал командиру, знавшему все ходы и выходы в районе Западного Цзяньдао, задание проводить их, но не домой, а в другой безопасный край. По его приказам тот обеспечил двум старикам безопасное убежище и незаметно переселил туда их семьи. Он также разведдал, каким образом была отравлена соль, принесенная стариками.

В самом деле, «случай с солью» был одним из самых трудных испытаний, которые преодолевали антияпонские партизаны, продвигаясь на пограничные зоны, в Корею, а Корейская Народно-революционная армия еще раз ясно доказала, что она является непобедимыми рядами, которые невозможно «уничтожить» не только боеприпасами и снарядами, но и никакими интригами и сговорами.

6. В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ГОР ПЭКТУ

- 132 || **Снова на Родину**
- 133 || **Церемония открытия «сторожевой дороги Капсан – Мусан»**
- 135 || **Народ пошел к партизанам**
- 136 || **Бой на реке Вукоуцзян**
- 138 || **Футбольный матч в поселке Юйшидун**
- 140 || **Китайский помещик Лю Тунши**
- 142 || **Партизан, который закрыл вражескую амбразуру**

Снова на Родину

Главный отряд КНРА, возглавляемый Ким Ир Сенем, всю зиму преодолевая беспрецедентные суровые испытания, перешел в пограничные районы и, наконец, прибыл в Бэйдадинцзы в уезде Чанбай.

Там в апреле 1939 г. Ким Ир Сен, созвав совещание, снова наметил курс продвинуться на Родину.

И ранним рассветом в мае 1939 г. он приказал отряду отправиться на родную землю.

Когда походный отряд, опережаемый дозорной группой, спустился с довольно крутых горных склонов, перед ним появилась долина, и звучало журчание воды на перекате.

Бойцы вышли из леса и видели запань.

– Передайте назад, без шума быстро перейти реку!

Спереди, с берега реки доносился такой приказ.

Через реку перекинута валежина, как естественный одинокий мостик. И бойцы переправились и по ней, и через запань. Но почти все не знали, что это – река Амнок.

Ким Ир Сен, переноса на своей спине юного бойца, спросил: знаешь, как называется эта река?

Он ответил, что не знает.

Тогда Командующий сказал, что это именно река Амнок.

Юный боец просил Ким Ир Сена, чтобы опустил его на

реку. Ему хотелось окунуться в воду родной реки.

Бойцы, ступая на родную землю, стали волноваться невообразимым впечатлением.

Отряд рейда на Родину так незаметно перешел границу, которую похвалили японские пограничники «стальной оборонительной позицией» на тысячи *ли*, что через нее даже птица не прорвется.

Везде на берегу реки расцветали азалии, и от них на весеннем ветру пахло ароматом цветов.

Не сдерживая волнения, одни бойцы широкими руками охватили азалии и проливали слезы восторга. Другие прикоснулись своей щекой к земле Родины, а третьи повалились на траве.

Антияпонские партизаны в душе кричали в сторону земли и густого леса Родины.

«Корея! Мы вернулись к тебе в объятия!»

Церемония открытия «сторожевой дороги Капсан – Мусан»

Это было в 1939 г., когда крупный отряд КНРА вступил в район Мусана. Как только отряд достиг до горы Пегэ, создавалась опасная ситуация. Вражеские полчища начали операцию по поиску его и сомкнули кольцо окружения. Чтобы успешно вступить в пределы Кореи, антияпонским партизанам следовало временно избежать боев с врагами и выйти далеко в район

Мусана. Итак, нужно найти или создать такое место, где нет врагов и что не интересует их. Что надо сделать для реализации такого тактического плана?

Командующий Ким Ир Сен предложил свой вариант операции. По нему, среди бела дня партизаны молниеносным броском будут идти по Капсан-Мусанской сторожевой дороге, которую враги только что проложили и ждали контрольного осмотра для ввода в эксплуатацию.

Командиры были растеряны.

Да, и было понятно: ведь было предложено совершить среди бела дня марш крупными силами не по обычному проселку, а по шоссе, проложенному противником специально для карательных операций против КНРА.

Оглядывая на таких командиров, сказал Ким Ир Сен.

– Мы вполне сможем совершить днем марш по Капсан-Мусанской сторожевой дороге. Об этом свидетельствует ваше отношение к моему варианту. Вы, товарищи, были ошеломлены, когда я предложил такое. И врагам даже и по-прежнему не приснится, что крупный отряд КНРА пройдет среди бела дня в походном строю по специально построенной ими сторожевой дороге. Это-то и убеждает в возможности дневного похода по шоссе. Смело делать то, что враги считают невозможным, – это и дает тактическую гарантию возможности этого марша.

Таким образом, отряд под командованием Ким Ира Сена пошел в район Мусана по сторожевой дороге, что враги даже чи-

сто подмели.

Позже враги сетовали, что антияпонские партизаны вместо них вели «церемонию открытия» сторожевой дороги среди бела дня, и просто ахнули: «Это невиданное, странное событие!»

Народ пошел к партизанам

Командующий Ким Ир Сен предвидел, что враги непременно будут преследовать Народно-революционную армию, и решил разгромить их на равнине Тэхондан, благоприятной по рельефу для засады.

В последней декаде мая 1939 г. он вместе с 8-м полком и командантской ротой пришел в Тэхонданскую равнину.

Заняв позиции засады, бойцы КНРА ждали прихода 7-го полка из Сингэчхока, который разбил врагов в нем.

Немного погодя на Тэхонданской равнине появился 7-й полк, взяв за собой трофейные материалы, за ним корейские рабочие и некоторые японцы с грузами.

А за этим полком последовали сотни врагов в касках.

Ким Ир Сен приказал пропустить мимо засады 7-й полк, шедший впереди. А замыкавшим колонну хозяйственникам и рабочим дал сигнал – «Ложись!» А затем прозвучал приказ «Огонь!»

Залповый огонь партизан косил врагов, как траву. Оставшиеся в живых яростно сопротивлялись.

Хозяйственники 7-го полка и рабочие, находившиеся между партизанами и противником, под градом пуль даже не могли поднять головы.

Тогда на поле боя развернулась весьма интересная картина. Люди расходились по сторонам: корейцы с грузом на спине перебежали к позициям Народно-революционной армии, а японцы, бросив груз, перебирались ползком в сторону японских войск и полицейских.

Ни один из корейских рабочих не перешел на ту сторону.

При виде этой картины Ким Ир Сен вновь до глубины души убедился: никуда не денется кровное родство нации!

В тот день в Тэхондане враги, дравшиеся с бойцами КНРА, были почти наголову разгромлены.

Весть о бое в Тэхондане, что было кульминацией рейда в район Мусана, молниеносно облетела всю страну.

После этого боя корейский народ никак не поверил вражеской пропаганде, а доверил только КНРА, ведомой Командующим Ким Ир Сенем.

Бой на реке Вукоуцзян

Весной 1939 г. Ким Ир Сен наметил курс на энергичное проведение военно-политической деятельности на северо-восточном районе гор Пэкту. И КНРА непрерывными боями поразила врагов и добралась до окрестности Байжипин.

Здесь дислоцированы более 300 карателей Цзиньаньской армии.

Их командир был очень злейшим. Он встал на карательную операцию, заносчиво заявив: стыдно японской императорской армии не справиться с кимирсенским партизанским отрядом и терпеть непрерывные поражения, я разобью наголову его отряд и смою этот позор.

Командующий Ким Ир Сен принял решение разгромить этот цзиньаньский отряд. Его цель была такова: разгромив наиболее злейших среди врагов карателей Цзиньаньской армии в Байжипине, подавить других карателей, с одной стороны, а с другой – укрепить веру народа в победу.

Он выбрал местом засады камышовое поле, расположенное невдалеке от Байжипина. Река Вукоуцзян несла свои воды меж берегов, покрытых камышовыми зарослями. По берегу была проложена автомобильная дорога. Слева и справа от реки и дороги стояли густые леса, что было удобно для засады.

Враги появились на берегу реки поздним утром, когда уже начал рассеиваться туман.

Торжественно шли маршем сотни солдат противника, оснащенных тяжелым оружием, с несколькими пулеметами впереди.

Когда это войско полностью втянулось в зону засады КНРА, он скомандовал открыть огонь.

На берегу тихой реки Вукоуцзян раздались громкие выстрелы, и вражеские вопли заполняли ущелье. В первом ударе погибло большинство врагов, а остальные с поднятыми руками сдались.

Бой прошел не менее десяти минут, и закончился победой КНРА.

В бою главные силы КНРА убили, ранили и взяли в плен многочисленных врагов, захватили четыре пулемета и многие другие виды оружия и военных материалов. Командир карательного отряда упал на землю у канавы, не успев даже наполовину вынуть саблю из ножен.

Партизаны смеялись над его печальной мордой.

Футбольный матч в поселке Юйшидун

В средней декаде июня 1939 г. Ким Ир Сен непрерывными боями подавил противника в бассейне реки Туман в северо-восточном районе гор Пэкту и приехал в район вокруг поселка Юйшидун уезда Хэлун, чтобы революционизировать его.

Он сказал партизанам: расскажите жителям поселка о наших славных боевых действиях и разъясните о Программе ЛВР из десяти пунктов, и таким образом глубоко вселите в них справедливость революционного дела и веру в ее победу.

Вместе с тем он рекомендовал особо хорошо организовать в этой местности праздничные игры, которые каждый год проводятся.

Он приказал пригласить на спортивные игры всех жителей горного ущелья Юйшидуна, протянувшегося на 12 километров,

и других соседних сел, всех, кто мог бы прийти.

Были организованы соревнования по качанию на качелях и по национальной борьбе *сирым*, совместные развлечения бойцов и жителей, выступления художественной самодеятельности, даже футбольный матч.

Села бассейна реки Туман оживились, словно встретили день освобождения. Молодежь и пожилые мужчины установили качели и пару ворот, подготовили площадку для национальной борьбы *сирым*. Они говорили: «В этот праздник давайте повеселимся вдоволь».

Трудно было представить такое, что когда враги сосредоточивали огромные контингенты карательных сил в районе уезда Хэлуна, партизаны в самом его центре уверенно, ничего не боясь, проводили праздничные мероприятия, даже футбольный матч.

В широком плато – в несколько чонбо в этой местности, был проведен и футбольный матч между бойцами КНРА и юношами поселка. Великолепное было это зрелище! Игроки обеих команд то и дело «мазали» при ударе по мячу, падали и кувыркались на травяном поле – зрители непрерывно взрывались хохотом.

Старики говорили и даже прослезились: «С самого основания Юйшидуна впервые сегодня люди так мирно и беззаветно смеются. Словно они избавились от всякой мирской суеты и хлопот».

С большим интересом проводились соревнования по качанию на качелях и по национальной борьбе *сирым*. На совместные развлечения бойцов и жителей, выступления художествен-

ной самодеятельности ушло намного больше времени, чем предполагалось. Публика то и дело кричала «Бис!», «Браво!» Исполнителям приходилось выступать по два-три раза.

В тот день в Юйшидуне десятки юношей попросили принять их в партизаны.

Не зная, как идет время, люди, только собравшись, разговаривали о гибели карательного отряда в бою в Байжипине, о футбольном матче в Юйшидуне.

Китайский помещик Лю Тунши

Когда КНРА, переместив арену своей деятельности на северо-восток от горы Пэкту, действовала в районе уезда Хэлун, однажды в ее тайный лагерь привезли китайского помещика для получения материальной помощи. Настоящее его имя – Лю Исянь. Он прекрасно владел корейским языком и называли его Лю Тунши. Переводчика по-китайски называли «тунши». Он был известным крупным богачом в районе Хэлун. Он откровенно говорил, что компартия – его старый враг.

Командующий Ким Ир Сен лично взял работу с ним.

У них был очень драматический разговор.

Вдруг Лю спросил:

– Вашу армию сейчас люди называют «коммунистической бандой». Правда ли, что Вы, Командующий Ким, коммунист?

– Прозвище «коммунистическая банда» придумали япон-

цы. Так они называют нашу часть. А то, что я коммунист, – сущая правда.

– В таком случае как Вы, Командующий Ким, думаете обо мне – человеке, который поныне стоит на стороне антикоммунизма?

– К большому сожалению, мне придется сказать, что вы до сих пор стояли на позиции антикоммунизма. Однако у нас нет ни малейшего желания наказать вас за это. Просто вы плохо понимаете коммунистов и потому пошли против них. И вместе с тем вы, будучи антикоммунистом, любите Китай, любите китайскую нацию. Вы против коммунизма, но не желаете гибели страны. Вы, будучи помещиком, желаете стать китайским помещиком, имеющим свое отечество. Я думаю, что вы именно такой человек. Этому я придаю важное значение.

– Спасибо Вам, Командующий Ким. Здесь, в Хэлуне, немало людей, все говорят, что им вздумается, но только от Вас я услышал, что в моей душе хранится патриотизм.

Он сказал, что до сих пор шел дорогой антикоммунизма потому, что у него взгляд на вещи узковат. И спросил, что ему нужно делать для коалиции с коммунистами.

Ким Ир Сен говорит: коалиция с коммунистами не есть что-то особенное. Выступать против марионеточного государства Маньчжоу-Го и японского империализма, оказывать помощь нашей революционной армии – это уже есть коалиция с коммунистами. И для корейских, и для китайских помещиков первоочередное важнейшее патриотическое дело – это сотру-

ничество с коммунистами, выступление против империалистической Японии.

Со следующего дня он вдруг стал человеком немногословным. Если его спрашивали, не болен ли он, только отвечал, что нет.

В ходе беседы с Ким Ир Сенем Лю был тронут его большой снисходительностью и открытой душой, раскаялся в своем прошлом.

Лю Тунши, даже беспокоясь о питании Командующего Кима, однажды сказал: почему вы готовите только жидкую кашу? Я же прислал вам продовольствие. Конечно, я могу понять, что вы готовите похлебку, чтобы сэкономить зерно. Но разве под предлогом нехватки продовольствия можно подавать такую кашу даже Командующему? Это не отвечает нормам морали.

Так он из антикоммуниста стал совсем другим человеком, он искренне почитал Ким Ир Сена, и впоследствии активно помогал партизанам в материальном и моральном отношении.

Партизан, который закрыл вражескую амбразуру

Когда Советский Союз вел неравные бои в районе реки Халхин-Гол, Ким Ир Сен направил новый приказ всем частям КНРА, чтобы они, высоко неся лозунг «С оружием в руках защитим Советский Союз!», развернули операции по дезорга-

низации вражеского тыла.

Согласно этому приказу летом 1939 г. все части КНРА вели многочисленные бои и тем самым внесли весомый вклад в срыв нападения японских империалистов на Советский Союз.

Типичным был бой в Дашахэ, состоявшийся в августе того же года.

Дашахэ был обнесен высокой земляной крепостью, а в ее четырех углах имелись форты.

В крепости были полицейские и отряд самообороны, одна рота марионеточной армии Маньчжоу-Го.

Перед рассветом штурмовая группа, прибыв вблизи от овощного сада перед крепостью, скрылась в травах и углубленных местах и ждала сигнала командира. Они хотели налететь в крепость во время эвакуации часовых.

К сожалению, один из бойцов марионеточной армии Маньчжоу-Го пошел в овощные поля и обнаружил их.

Группа немедленно пошла в штурм. Враги отчаянно сопротивлялись при опоре на высокую крепость и укрепленные форты. Если бы дать только ответные стрельбы, то трудно предположить, когда будет конец бою.

Штурмовая рота начала ползком продвигаться вперед на форт, откуда бешено поливал из вражеского пулемета.

Командир роты бросил гранату в форт, чтобы открыть путь отряду к наступлению.

Вражеский пулемет остановил стрельбу. Не упуская этого шанса, рота пошла в атаку.

Но тут из пулемета в форту опять начал застрочить. Полетела чья-то другая граната, но вражеский пулемет все яростнее открыл огонь.

В тот момент кто-то кричит:

– Товарищ командир взвода! Я пошел!

С этими словами Ким Чин быстро ползал к вражеской амбразуре.

Он бросал злобный взгляд в амбразуру противника. И вдруг он поднялся с земли и стрелой бросился к амбразуре.

Раздался грохот, потрясающий землю, и проклятая амбразура противника, наконец, затихла. Темно-красный дым поглотил форт.

Он, собрав последнюю силу, открыл глаза и сказал:

– Товарищ командир взвода! Товарищи! Прошу бороться до дня освобождения Родины вместе с товарищем Командующим...

Его героическая самоотверженность доставила Ким Ир Сену острую боль в душе.

Бывший батрак Ким Чин вступил в партизанский отряд во время 2-го похода в Северную Маньчжурию.

Герой, закрывший грудью вражескую амбразуру и обеспечивший победу отряда, похоронен в безымянной возвышенности в Дашахэ.

7. В ДНИ ДЕЙСТВИЙ МАЛЫМИ ОТРЯДАМИ

146 || **Переход к новой стратегии
и тактике**

148 || **На Дальний Восток**

150 || **Клятва в глухом уголке
Мыншаньцуня**

152 || **50 пачек порошков**

154 || **Рассказ, чего не было в истории**

Переход к новой стратегии и тактике

На совещании военных и политических кадров КНРА, состоявшемся в Сяохаэрбалине уезда Дуньхуа с 10 по 11 августа 1940 г., Ким Ир Сен наметил новый стратегический курс.

Суть его – в сохранении и приумножении сил КНРА, воспитании из ее бойцов способных политических и военных кадров, чтобы во всеоружии встретить великое событие – освобождение Родины.

А для осуществления этой стратегической задачи был выдвинут и боевой курс – перейти от операций крупными отрядами к операциям небольшими отрядами.

Самым важным в подготовке к инициативной встрече великого события – возрождения Родины являются сохранение и приумножение сил КНРА как главной силы корейской революции, воспитание из ее бойцов способных политических и военных кадров.

Это позволило бы успешно провести последний решительный бой с японскими империалистами, добиться славной победы и, опираясь на эти кадры, построить новую Корею на земле освобожденной Родины. Исходя из этого, разработан новый

курс: избегать возможных потерь от безрассудных стычек и, ведя активные действия, сохранять и приумножать собственные революционные силы. Это было важнейшей стратегической задачей корейской революции.

Для успешного выполнения этой стратегической задачи необходимо перейти от операций крупными отрядами к операциям небольшими отрядами.

Чтобы инициативно встретить великое событие – возрождение Родины, необходимо было не только сохранить и приумножить силы КНРА, но также надежно подготовить народ в идейно-политическом отношении.

В то время прекращение КНРА действий крупными отрядами и переход к действиям небольшими отрядами были не только требованием развития антияпонской национально-освободительной борьбы в нашей стране, но и рекомендацией Коминтерна.

Новый стратегический курс на прекращение действий крупными отрядами и развертывание действий небольшими отрядами был самым правильным курсом, позволяющим в изменившейся обстановке ускорить окончательную победу корейской революции и содействовать развитию мировой революции.

На Дальний Восток

В середине октября 1940 г. во временный тайный лагерь в Чэчанцзы к Ким Ир Сену пришли два связных из Коминтерна, пройдя через порог смерти.

Им было поручено задание передать Ким Ир Сену от имени Коминтерна просьбу присутствовать на совещании, созываемом в декабре в Хабаровске. Вместе с тем они привезли директиву Коминтерна: всем антияпонским вооруженным формированиям в Маньчжурии перейти от действий крупными отрядами на действия небольшими отрядами и скорее переместиться в Советский Союз для создания базы на Дальнем Востоке и приведения в порядок, перегруппировки сил.

Ким Ир Сен долго задумался над этим предложением.

К тому времени КНРА переживала большие трудности и препятствия.

Японские империалисты лезли из кожи вон, чтобы полностью уничтожить КНРА. Они как никогда усиливали контроль над продовольствием и другими стратегическими материалами. В такой обстановке решение продовольствия стало как жизненно важным вопросом перед КНРА.

В ожесточенных битвах с врагами погибло много командиров.

По поводу этого приглашения Ким Ир Сен несколько дней глубоко подумал о перспективе антияпонской вооруженной борьбы.

И наконец, он пришел к выводу, что предложение Коминтерна совпадает с его мнением создать безопасную базу для КНРА, добиться фактического объединения революционных вооруженных сил трех стран – Кореи, Китая и Советского Союза активизировать действия небольшими отрядами и группами.

Раз цель и намерение совещания Коминтерна ясны и уже другие командиры ОСВАА (Объединенной Северо-Восточной антияпонской армии) прибыли на место совещания, он решил отправиться в Советский Союз и участвовать в совещании.

А бойцы высказывали другое мнение: «Пусть туда отправятся Полководец и несколько товарищей, остальные же пусть продолжают борьбу здесь».

Ким Ир Сен сказал: мы пойдем на Дальний Восток не для того, чтобы уклониться от революции и обрести покой, и тем более не для того, чтобы остаться там навсегда. Мое решение – присутствовать на нынешнем коминтерновском совещании, поскольку мы пропустили такое же в прошлом году... Это, может быть, нам поможет. Но нам неизвестно, насколько затянется это совещание. Поэтому я решил привести вас туда, вместе с собой. Не могу оставить вас здесь, где недостаточно заготовлено необходимого на зиму.

Так он вместе с бойцами, подчиненными Ставке Командования, отправился в поход на Дальний Восток.

Поход был трудным, полным суровых испытаний.

Однако тогда никто не знал, что этот путь будет направлен к новой утренней заре корейской революции.

Клятва в глухом уголке Мыншаньцуня

Из-за жестоких карательных акций японских империалистов, захвативших всю Маньчжурию, в революционных рядах появились ненормальные явления, такие, как измена и бегство.

Когда Ставка Командования перенесла свое место в лесную глушь Мыншаньцуня, появился еще один изменник, и оттого в руки врага попал даже зимний продовольственный запас для партизан.

Некоторые из комендантских бойцов Ставки Командования не скрывали беспокойства.

Их тревожило вот что: можно ли сохранить отряд или нет, можно безопасно защитить Ставку Командования или нет?

Суровая действительность показывает, что без совести и чувства долга не сможешь отстоять свои убеждения, а без убеждений и воли не сможешь делать революцию.

Ким Ир Сен собрал командиров и бойцов на одном месте и сказал им честно:

– Наше положение становится все жестче и тяжелее. Каждый из нас уверен, что наше революционное дело принесет свои плоды и страна будет независимой, но когда именно это произойдет – никто не знает. Лет десять мы боролись, подвергаясь всяким лишениям и невзгодам, и долго ли нам еще суждено жить таким же образом – пять или десять лет – никто это не может точно сказать. Ясно только одно: окончательная победа непременно будет за нами.

Все продолжали тихо слушать его искренние слова.

– На этом пути, разумеется, нам придется пережить уйму трудностей. Может быть, они в несколько раз страшнее, чем уже пережитые нами, порой даже в десятки раз. Так что если кто-то из вас не сможет до конца следовать за нами и продолжить революцию, тот пусть вернется домой. Желаящий идти домой получит деньги на дорогу и продовольствие. И никто не спросит с него за то, что бросил революцию на полпути. Что поделаешь, если человек оставляет отряд из-за слабости и неуверенности. Кто хочет, пусть идет. Но только не забудьте проститься...

Вмиг воцарилась суровая атмосфера. И бойцы сказали:

– Полководец, пусть мы не доживем до победы революции, нам это не будет обидно. Дело не в жизни и смерти. Только бы вместе с вами, Полководец.

– Дано человеку жить не так долго. Но лучше умереть здесь, стоя, чем изменить своим товарищам и жить на коленях перед врагом, спустившись с горы в его стан. Мы готовы разделять с вами и жизнь и смерть.

Слушав их горячую клятву с убеждениями и волей, Ким Ир Сен обнял их всех.

Таково было совещание в горной местности Мыншаньцуня. Это совещание еще раз подтвердило неразрывную кровную связь между Командующим и бойцами, монолитное единство и сплоченность руководителя и масс.

50 пачек порошков

Однажды во время действий малыми отрядами Ким Ир Сен получил донесение, что связной из малого отряда О Бэк Рёна на полпути столкнулся с карателями и погиб в бою, не добравшись до Ставки Командования.

После этого он не раз послал связных, чтобы найти малый отряд О Бэк Рёна, но все стало неизвестно о его местонахождении.

Когда Ставка Командования покидала место ночлега и бойцы спешили готовиться к походу, он неожиданно приказал им зарыть в землю под костром продовольствие и новые зимние военные формы.

Бойцы поняли, что он беспокоится о бойцах небольших от-

рядов, о которых не было вестей.

Во время похода Ставка Командования переживала крайние трудности из-за нехватки продовольствия. Бойцы питались только новопилльчатим соссюреном и поэтому постоянно чувствовали бессилие.

Однажды, к большому счастью, они поймали крупного оленя.

Бойцы с радостью ели давно не изведенный мясной суп. Но Ким Ир Сен не мог брать в руку ложку, беспокоясь о малом отряде О Бэк Рёна.

После еды он посоветовал бойцам высушить и молоть всю оставшуюся оленину, разделить порошок на 50 долей.

И начал писать на каждой бумажной пачке имена бойцов небольших отрядов, не имевших связи.

Он велел ординарцу аккуратно хранить их и дать бойцам отряда О Бэк Рёна при встрече с ними.

В суровых смертельных боях бойцы Ставки Командования, сами голодая, не трогали эти пачки, все бережно хранили их.

Даже в трудных условиях, когда решается или смерть или жизнь, Ким Ир Сен прежде всего думал о бойцах малых отрядов. Об этом красноречиво рассказывали пачки с порошком в две чашки и не больше.

Рассказ, чего не было в истории

Пришла суровая зима 1940 г.

Небольшой отряд, который под командованием Ким Ир Сена преодолел суровые испытания, наконец, добрался до советской границы.

Почти за месяц бойцы совершали трудный поход в боях с врагами и сильно устали.

Когда Ким Ир Сен отдал приказ стоять бивуаком, они, усталые в бою и походе, развели костер и сразу же уснули возле него.

Однако героиня антияпонской войны Ким Чен Сук, отложив отдых, вынула из рюкзака белье для стирки и пошла на ручей.

Она, окончив стирку, подошла к костру и вставила ветви у него, чтобы развешивать стиранное.

Но вдруг была забита тревога. Появились враги.

В тот же день малый отряд навстречу предрассветному ветру шел в поход. Ветер был так сильным, что все тело стало замерзнуть.

После долгого похода отряд добрался до места отдыха, и Ким Чен Сук принесла чисто стиранное белье Ким Ир Сену.

Он, как обычно, принял его.

Но позже после ее выхода из палатки Командования Ким Ир Сен случайно узнал об удивительном факте, что Ким Чен Сук во время похода сушила его белье на своем теле.

Конечно, она старалась сделать это незаметно, однако Ким Ир Сен узнал об этом от девушек, восхищающихся ее поступком.

И он вызвал ее в Ставку Командования и был ошеломлен, увидев ее, совсем посиневшую от холода.

Он сказал ей: Чен Сук, я преклоняюсь перед твоей искренней заботой обо мне, и всегда благодарен тебе за это. Но зачем ты сделала это? Что будет, если ты вдруг простудишься? И каково будет у меня на душе, если я буду благоденствовать ценою твоей жертвы? Впредь прошу не поступать так.

После ее ухода Ким Ир Сен вышел из палатки долго шагал под падающим снегом.

В тот день Ким Чен Сук, высушив мокрую одежду теплом своего тела, дрожала от холода и, кусая губы, старалась скрыть это. В ее виде Ким Ир Сен видел свою любимую мать, похороненную на чужбине, и на его глаза наворачивались слезы.

8. ВО ИМЯ ПОСЛЕДНЕЙ РЕШИТЕЛЬНОЙ БИТВЫ

- 157 || Первая встреча с Ким Чаком
- 158 || Весной на чужбине
- 160 || Ванбабоцзыский инцидент
- 163 || Большой праздник
- 164 || Взгляды на роспуск Коминтерна
- 165 || Надо знать о своей Родине
- 167 || Командующий показывает личный пример в парашютной подготовке
- 168 || Первые парашютистки воздушного десанта

Первая встреча с Ким Чаком

Однажды до открытия Хабаровского совещания в гостиницу, где остановился Ким Ир Сен, пришел в гости Ким Чак, который в то время был представителем Североманьчжурского провинциального комитета партии и 3-й армии ОСВАА.

Ему еще не было сорока, а он уже был лысоват, вел себя степенно. С первого взгляда Ким Ир Сена потянуло к нему.

При знакомстве Ким Ир Сен говорит: это у нас первая встреча, а мне кажется, что мы уже знакомы. В ответ Ким Чак: и мне тоже. Думы о том, что это мое первое знакомство с вами, товарищ Ким Ир Сен, у меня совсем нет.

– Отчего так далеким был путь к встрече с Командующим Кимом? – Ким Чак как бы спрашивает самого себя после первых приветствий и продолжает:

– Я давно обращал свой взор на вас, Командующий Ким. Если бы вы знали, как хотели увидеться с вами мы, корейские революционеры в Северной Маньчжурии! Борясь с врагом, мы всегда обращали свой мысленный взор в сторону гор Пэкту, где находятся ваши отряды, Командующий Ким.

Он в то время занял высокие должности в североманьчжурском отряде. Как по своему возрасту, так и по своей биографии революционера-борца он заслуживал уважение как старший из военно-политических руководителей-корейцев в маньчжур-

ских партизанских формированиях.

Он пылающими огоньком страсти глазами смотрит на Ким Ир Сена.

Перед Ким Чаком – красивый мужчина. Выглядит довольно моложе того, о котором Ким Чак слышал, у него все размашисто и динамично, как подобает, действительно, Полководцу, – и походка, и телодвижение, и даже жест рукой. Да и у него простой и вместе с тем близкий сердцу голос, нежная и светлая улыбка...

– Отныне я буду бороться под вашим руководством, Полководец, до последних минут своей жизни! Стоило бы мне быть поблизости от вас, Полководец, мне не будут нужны никакие должности – ни военные, ни партийные. Так что отныне прошу вас назвать меня не секретарем провинциального парткома, а просто товарищем Ким Чаком!

Ким Ир Сен встает с места. Смотря ему на глаза, полные искренности, отвечает: навеки не забудем сегодняшний день, когда мы вместе от всего сердца обещали друг другу быть верными товарищеской дружбе и любви.

Так проходила глубокая ночь в день первой встречи Ким Ир Сена с Ким Чаком.

Весной на чужбине

Это было 1 марта 1941 г. в Южном лагере на дальневосточной учебной базе. Весь отряд, собравшись на спортплощадке,

провел мероприятие, посвященное 22-й годовщине со дня Первомайского народного восстания, конечно, в присутствии Ким Ир Сена.

После мероприятия во второй половине дня небо стало более ясным. На теплые лучи солнца тает снег, чувствуется вокруг свежее дыхание весны.

К Ким Ир Сену толпой пришли бойцы и неожиданно-негаданно просят его:

– Если мы сейчас отправимся с малыми отрядами, то неизвестно, когда снова встретимся. Так давайте, Полководец, снимемся на память!

И он прислонился к стволу дерева, в котором уже ощущается прилив весенних соков, и снялся вместе с боевыми друзьями. Это был снимок на память о том, что они после длительной разлуки встретились друг с другом в южном лагере, на память о том, что после встречи они снова разлучатся. Атмосфера среди снимающихся была шумная.

К нему подбежали и партизанки, которые заявили, что тоже хотят сняться.

После съемки они о чем-то шептались друг другу, а затем обратились к нему с просьбой сняться вдвоем с Ким Чен Сук.

Понятное дело, у партизанок острой болью в памяти оставался день бракосочетания Ким Ир Сена и Ким Чен Сук. То было время трудное. В отряде кончилось продовольствие, и бойцам давалась пища не нормально. А там нечего говорить о фотографии. И партизанки не могли забыть тот день брака,

прошедший в слезах. А вот сегодня, по их мнениям, настал самый подходящий шанс снять сожаление.

Услышав это, Ким Чен Сук спряталась за спинами подруг.

А они упорно выталкивали ее вперед. Подталкиваемая подругами, она, смеясь, приблизилась к Ким Ир Сену. Не упустив этого исторического момента, фотограф щелкнул затвором в обстановке лучших пожеланий подруг.

Так история помнит этот снимок.

Да, это была незабываемая весна.

Ванбабоцзыский инцидент

Это ЧП произошло весной 1941 г., когда на корейскую революцию нагрянули суровые испытания.

Однажды Ким Ир Сен позвал к себе одного из бойцов и сказал: от направленной в поселение Ванбабоцзы малой группы нет никакой вести. Это дело ненормальное. Ты иди в пункт явки и узнавай, в чем дело.

Боец поспешно отправился на явку в назначенное место. Оглядывался там вокруг, но никак не мог найти членов малой группы.

Вдруг ему удалось увидеть слова на оголенном стволе дерева, написанные углем, взятым из кострища:

«Чи Габ Рён сбежал, а Ким Ик Хён и Ким Бон Рок погибли голодной смертью».

У бойца сердце словно леденело. Он торопливо обшарил все уголки в зарослях. Через много времени ему в глаза бросались два боевых друга, которые рядышком лежали в зарослях без сознания.

Тому пришлось проделать невероятно трудный путь, чтобы доставить товарищей в Ставку Командования.

Немного погодя двое пришли в сознание и доложили обо всем Командующему Ким Ир Сену.

... Малая группа прибыла на гору за поселением Ванбабоцзы.

В то время Чи Габ Рён только смотрел с гребня гор на деревню и не думал начать работу. Ким Бон Рок, член группы, говорит ему: «Спустимся в деревню. Там достанем продовольствие, проведем там политраблиту». Чи Габ Рён говорит: «Сейчас враг так усилил охрану, что нам передвигаться опасно. Подождем до удобного времени».

Ким Ик Хён всячески уговаривал его немедленно начать работу. А тот, говоря об обстановке у противника, глух ко всему – мол, потерпи.

Утром следующего дня два Кима вышли из шалаша умыться.

В ту минуту Чи Габ Рён забрал их оружие и повышенным голосом твердил:

– До сих пор я почти десять лет был в вооруженном отряде. За эти годы я прошел сквозь огонь и воду и медные трубы. Но я терпел все с думой о том, что будет достигнута независимость Кореи после преодоления трудностей. Однако теперь все

мои мечты рухнули. Как вы, ребята, знаете, Советский Союз и Япония заключили пакт о нейтралитете. Я верил, что между Советским Союзом и Японией существуют глубокие антагонистические противоречия и в недалеком будущем начнется война между ними. Думал, что при вспышке войны мы сможем во взаимодействии с советскими войсками разгромить японскую армию и освободить Родину. А теперь этого ожидать стало невозможным. Я не могу больше заниматься этим безнадежным делом. Более того, у меня прогрессирует болезнь. Ничего не делаешь. Я просто хочу вернуться домой...

После его дезертирства двое отправились на явку в условленное место. Проголодавшим, им пришлось идти медленными шагами, да и они, столкнувшись с врагами, были вынуждены идти в обход. И они не могли прибыть на явку в условленное время и не застали связного из Ставки Командования...

Выслушав их, Ким Ир Сен заключил: измена Чи Габ Рёна – это такой инцидент, порожденный потерей веры в победу революции. Не будет убеждений у революционера – его жизни будет конец. Вера в победу революции рождается верой в свои силы, силы своего народа, она сохраняется, как правило, верой в своего руководителя, в свой коллектив.

Слушая его, бойцы еще больше крепили свои убеждения и клятву: пусть на нашем пути впредь будет лежать какое-то море огня, пусть нам путь преградят тернистые дебри, но мы будем продвигаться вперед с высоко поднятым знаменем идеи «Нашими силами завершим корейскую революцию!»

Большой праздник

Приближается великое событие – освобождение Родины. Это было 16 февраля 1942 г.

В Пэктусанском тайном лагере веяло новой весной душистой. Партизаны и партизанки встретили волнующую весть.

О том, что в скромном бревенчатом домике на территории лагеря родился сын великого Ким Ир Сена, призванный из рода в род нести эстафету его революционного дела.

Во всю ширь раздавались восторженные возгласы бойцов, которые на стволах деревьев с содранной коркой возле лагеря написали слова: «Извещаем о рождении Пэкту-кванмёнсон» (В переводе – Светлая Звезда над горой Пэкту, ред.), «Соотечественники, видите, слышите? Над горой Пэкту возшла Светлая Звезда, призванная продолжать осуществление замысла Командира Кима».

Волнующая весть стремительно облетела все районы страны, где действовали небольшие отряды, малые группы КНРА, а также всю учебную базу на Дальнем Востоке.

Направленные вовнутрь страны бойцы небольших отрядов, малых групп, политработники-подпольщики написали на стволах деревьев слова, чтобы быстрее известить весь народ страны о большом празднике нации, встретившей Пэкту-кванмёнсон.

Рождение Ким Чен Ира было ни с чем несравнимым величайшим праздником нации.

Взгляды на роспуск Коминтерна

Бойцы КНРА вели подготовку к тому, чтобы во всеоружии встретить предстоящее великое событие, имя которому – освобождение Родины. Однажды в середине мая 1943 г. облетела всю дальневосточную землю неожиданная весть о том, что распущен Коминтерн.

Информация эта дала большой душевный толчок бойцам КНРА.

Да и то сказать: к тому времени среди людей доминировала мысль о том, что Коминтерн является международным руководящим центром, направляющим в едином порядке борьбу революционных народов, коммунистов, революционеров всех стран мира, и что и выдвинутые им тактико-стратегические установки, линия и курс обязательно должны быть восприняты и осуществлены на практике.

И, естественно, роспуск Коминтерна не мог не быть историческим событием, вызвавшим огромные волны откликов.

Вокруг этого вопроса начали появляться разношерстные взгляды.

Ким Ир Сен велел командным кадрам собраться в Ставке Командования.

На днях, говорит он, в связи с роспуском Коминтерна ходят разговоры всяких оттенков. По этому поводу, думаю, нужно иметь правильные взгляды, придерживаться верной позиции. И вот сегодня я собрал вас.

Мы, рассказывает он, с самого начала антияпонской революции делали и делаем корейскую революцию нашими собственными силами, не опираясь на чужие силы и помощь. До сих пор мы в каждый период, на каждом этапе развития революции вырабатывали самостоятельную линию, стратегию, тактику и курс, выполняли их. И революционные силы мы выращивали при опоре на свой народ, все вопросы решали самостоятельно.

За это, продолжает он, мы должны испытывать законную гордость. Практика развернувшейся до сих пор революционной борьбы показывает вот что: твердо придерживаться самостоятельной позиции и решить все вопросы при опоре на силы своего народа – в этом ключ к успешному свершению революции. И впредь, как раньше, нам следует всегда помнить, что независимость, самостоятельность является основным ядром, жизненно важнейшим фактором в революции, и решить все выдвигающиеся вопросы нашими собственными силами, своим умом.

Надо знать о своей Родине

Шли сентябрьские дни 1943 г. Однажды в середине этого месяца Ким Ир Сен поручил одному из командиров задание –

нарисовать большую карту Кореи. Он не забыл посоветовать ему отметить на карте известные горы и реки, равнины и озера, месторождения полезных ископаемых и районы с местными специфическими продуктами, а также достопримечательности, исторические памятники культуры и прочее.

Для выполнения порученного задания он принес и изучил немало книг для справки. Чтобы создать карту, он, прежде всего, склеил четыре листа белой бумаги. На карте обозначил меридиан и параллель, рамки территории Кореи, а затем сделал необходимую отметку разным цветом.

Готовой картой Ким Ир Сен был очень доволен.

На одном из политзанятий Ким Ир Сен, повесив ее, выступил перед политработниками и преподавателями политических дисциплин КНРА с речью «Корейские революционеры должны хорошо знать Корею».

К нам, говорит он, приближается великое событие – освобождение Родины. Эта ситуация требует от командных кадров и бойцов КНРА хорошо знать о Родине.

Не знаешь лучших традиций своей нации, не имеешь национальной гордости и революционного достоинства, продолжает он, становишься подлым человеком, который нигилистически относится к своей нации и не избежишь низкопоклонства перед большой страной. Чтобы жить и бороться как пламенный патриот, настоящий революционер, каждый из всех должен глубоко изучать историю своей нации.

Далее он отмечает: надо хорошо знать и о географии нашей

страны. Конечная цель нашей революции – в том, чтобы народ жил зажиточно и счастливо. Поэтому на будущей освобожденной Родине, подчеркивает он, нам предстоит восстанавливать и развивать промышленность, сельское хозяйство, рыбный промысел и другие отрасли экономики.

Его выступление полностью овладело сердцами слушателей.

Командующий показывает личный пример в парашютной подготовке

На временной дальневосточной базе Ким Ир Сен организовал и направлял интенсивную военно-политическую подготовку бойцов КНРА. Он обращал большое внимание не только на занятия по стрельбе и плаванию, но и на парашютную подготовку для проведения боевых операций воздушного десанта.

Бойцы КНРА увлекались последними подготовительными упражнениями. Было намечено через несколько дней провести первые тренировки по прыжку с самолета на парашюте.

В один из последних дней мая 1944 г. Ким Ир Сен вышел на учебное поле. Вмиг бойцы не могли не удивиться: он неожиданно в форме парашютиста подходит к самолету.

Бойцы узнали, что он вышел на площадку, чтобы показать образцовые действия в прыжке с парашютом. Бойцы, преграждая ему путь, не раз обращались к нему с просьбой отказаться от этого прыжка с воздуха.

А он сел в самолет. Машина с ним взлетела в воздух.

Самолет на определенной высоте плавно кружит над учебным полем, и тут на синем небе появляется черная точка, которая стрелой спускается вниз и раскрывает купол, подобный белому клубу хлопка.

Парашют медленно спускается, постепенно показывая свои черты.

И, наконец, парашют спустился на луг лесной поляны. Все бойцы, с большим напряжением следившие за парашютом, бросились к нему с громким зовом: «Товарищ Командующий!»

Показанный им практический пример вдохновил бойцов на более активное участие в парашютной подготовке. И вот результат: в день тренировки по прыжку с самолета на парашюте все бойцы-парашютисты без единого отстающего безопасно спустились с воздуха на назначенные места приземления.

Первые парашютистки воздушного десанта

Парашютная подготовка тяжелее, чем плавательная и лыжная особенно для женщин. Она требует огромной физической нагрузки и смелости.

Однажды Ким Ир Сен на учебном плацу посоветовал не привлекать к участию в ней женщин с грудными детьми и физическое слабых женщин, учитывая их физическое состояние.

Но они заявили:

– Товарищ Командующий! Мы никогда не уступали мужчинам. Ни разу! Если мы, женщины, будут исключены из участия в парашютной подготовке, то не сможем достойно участвовать в боевых операциях по освобождению Родины. Этого быть не может. Во что бы то ни стало мы будем активно участвовать в этих учениях и станем отличными бойцами воздушного десанта.

Ким Ир Сен вдохновляет их словами: важны такие убеждения. Я верю в высокий революционный порыв и мудрость наших женщин-бойцов.

Немого погодя на их долю выпала честь участвовать в учениях.

Ким Чен Сук вместе со своими подругами пришла в аэродром.

Она первой совершила прыжок с самолета на парашюте и правильными движениями спустилась к назначенному пункту на земле.

Все остальные, вдохновленные ее личным примером, одна за другой с твердой уверенностью смело спускались из самолета.

Ким Ир Сен с самого начала внимательно следил за движениями парашютисток. И он говорит: вы, товарищи, первые парашютистки, спрыгнувшие из самолета. Такое дело совершено впервые в пятитысячелетней истории нашей страны. Вы ярко продемонстрировали мудрость и твердую волю корейской женщины. Горячо поздравляю вас, первых парашютисток воздушного десанта, с успешным спуском на парашюте.

Бойцы-мужчины прибежали к ним и подарили им букеты цветов.

Это была благодарность и привет от Родины в адрес первых парашютисток.

9. ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

- 171 || **Эхо в горах Пэкхак**
- 173 || **Беседа с А. А. Ждановым**
- 175 || **Оценка плана учебных маневров отряда**
- 178 || **Сводные тактические занятия, проведенные под его личным командованием**
- 180 || **Прорыв для боевой операции против Японии**
- 181 || **Последняя наступательная операция КНРА**
- 183 || **«Да здравствует освобождение Родины!»**

Эхо в горах Пэкхак

9 мая 1945 г. один из небольших отрядов КНРА, действовавших в районе у Корейского Восточного моря, получил экстренную телеграмму от великого Ким Ир Сена.

Телеграмма сообщила о том, что 9 мая фашистская Германия объявила свою безоговорочную капитуляцию. В телеграмме была указана директива. Речь пошла о том, что в связи с круто изменившейся ситуацией Ставка Командования планирует созвать собрание на временной тайной опорной базе в горах Пэкхак внутри страны и поэтому нужно провести тщательную подготовку к его проведению.

Через несколько дней Ким Ир Сен ступил на землю Родины.

Он поднимается на высоту гор Пэкхак, и на вершине Кёндэ на этой опорной базе внимательно оглядывает вокруг. Он отмечает, что опорная база расположена на хорошем месте, годном для выполнения важной роли в случае необходимости, и направляется на место для собрания.

На опорной базе открылось чрезвычайное собрание командиров КНРА и руководителей местных революционных организаций.

На нем он первым делом анализирует круто изменившуюся революционную ситуацию в стране и за ее пределами, а затем торжественно извещает собравшихся о том, что настала пора проведения последней наступательной боевой операции по освобождению Родины.

Сейчас враги, говорит он, насильственно толкают ни в чем

не повинных людей нашей страны на поле боя для пополнения недостающего контингента своих вооруженных сил. Они беспрецедентно яростно раскручивают в нашей стране маховик фашистских репрессий. Эти грабители отбирают имеющиеся в ней все людские и материальные ресурсы. Таким образом, они обрекают на наш народ нетерпимые страдания и бедствия. Все факты требуют от всей нашей армии, всего народа объединить свои силы, сплотиться единой мыслью и пойти на решительную битву, чтобы окончательно уничтожить собственными силами нашей нации отчаянно сопротивляющихся японских империалистических агрессоров, подчеркивает он.

В создавшейся сегодня серьезной ситуации, продолжает он, перед всеми бойцами КНРА, всем корейским народом стоит величайшая революционная задача – немедленно быть в полной боевой готовности в любой час встать на последнюю и решительную битву с империалистами Японии. Какой бы благоприятной ни была создававшаяся объективная ситуация, все зависит от борьбы самого нашего народа – хозяина в нашей революции. Наш долг – глубоко осознав свою миссию, возложенную на нас революцией и эпохой, со знаменем достижения независимости страны своими силами поднять все антияпонские патриотические силы, выпестованные, сохранившиеся, накопленные в длительные годы антияпонской вооруженной борьбы, на последнюю и решительную битву с империалистами Японии.

«Все силы во имя окончательной победы в великой антияпонской войне!» – вот что наш боевой лозунг, который нам следует высоко нести.

Кончая свою речь, он говорит: победа – за нашим народом,

вставшим на справедливую войну за освобождение Родины, за свободу народа. Он обращается к собравшимся с горячим призывом: проявлять весь заряд имеющихся сил и способностей и непременно свершить великое дело освобождения Родины с тем, чтобы пройденный нами с пролитием крови далекий боевой путь соединился с делом освобождения Родины.

Беседа с А. А. Ждановым

Незадолго до начала боевой операции против Японии Ким Ир Сен вместе с командирами ОИВ отправился в Москву для участия в совещании, созванном Генштабом советских войск.

Спустя несколько дней он встретился с А. А. Ждановым, членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП (б).

Жданов сказал, что он встречает посланцев с Востока по поручению И. В. Сталина, и с добрым словом отозвался об антияпонской вооруженной борьбе КНРА.

– Я, – говорит он, – много слышал о корейском партизане Полководце Ким Ир Сене. Рад, что вы выглядите намного моложе, чем я представил.

В тот день он очень интересовался мнением Ким Ир Сена о том, каким образом будет работать, чтобы развивать будущую освобожденную Корею как демократическое независимое государство.

Во время беседы Жданов неожиданно обращается к нему с вопросом:

– Сколько лет, по-вашему, потребуется корейцам после осво-

бождения страны, чтобы построить независимое государство?

Ким Ир Сен отвечает: не больше двух-трех лет.

Услышав это, Жданов радуется, потирая руки. Однако он не скрывает своего удивления: видимо, он совершенно не ожидал такого ответа.

Ким Ир Сен рассказывает ему: наш народ значительно пробудился политически и закален в ходе многолетней антияпонской вооруженной борьбы и национально-освободительной борьбы. В этом процессе подготовлены надежный руководящий актив и широкие патриотические силы, способные собственными силами вести государственное строительство, накоплен богатый опыт борьбы, имеются неиссякаемые творческие силы, организаторское умение, высокая мобилизационная готовность людей.

Внимательно выслушав его, Жданов спрашивает:

– В какой форме помощи, по-вашему, нуждается корейский народ в борьбе за государственное строительство после освобождения страны.

Ким Ир Сен отвечает: Советский Союз вел войну с Германией на протяжении четырех лет, да и перед ним впереди ожидается большая война с Японией. Где найдутся силы для оказания нам помощи? Если нам окажут помощь, то, конечно, спасибо за это надо сказать. Но мы хотим по возможности своими собственными силами построить свою страну.

У нас в стране, в ее истории существовало низкопоклонство, что служило причиной гибели страны. В строительстве обновленной Родины мы ни в коем случае не хотим, чтобы был нанесен ущерб от низкопоклонства, – такова наша решимость. Мы надеемся на политическую поддержку со стороны Совет-

ского Союза в отношении нашей страны. Мы хотели бы, чтобы впредь Советский Союз активно поддерживал нас на международной арене, чтобы корейский вопрос был решен в соответствии с интересами и волею корейского народа.

Жданов остался доволен его ответом.

Оценка плана учебных маневров отряда

Однажды в середине июля 1945 г. О Чин У, заместитель командира взвода, получил сообщение от ординарца Командующего Ким Ир Сена. И он поспешил в Ставку Командования.

Входит он в Ставку. Ким Ир Сен откладывает свое дело на задний план и радостно встречает вошедшего:

– Привет, товарищ О Чин У! Садись, – Командующий предлагает ему сесть и подробно узнает у него, как раньше проходила военно-политическая подготовка.

Сегодня я позвал тебя, говорит он, для того, чтобы поручить тебе важное задание. Через несколько дней предусматривается провести сводные тактические учения всего отряда. Для этого нужна программа учебных маневров отряда. Попробуй составить план. Надо разработать научно обоснованный план на основе знаний, освоенных за несколько лет в военно-политической подготовке. Это может быть важным моментом знакомства с твоими воинскими качествами. Будет проверено то, какие высокие служебные должности ты сможешь выполнять.

Что касается плана учебных маневров отряда, то к этому

делу всерьез относятся и опытные командиры-штабисты. Но у него за плечами – всего лишь опыт командования взводом. Это задание ему явно не по плечу.

Он тут спешно встает с места.

– Товарищ Командующий! Ваше доверие надо оправдать... Но мне, собственно, раньше ни разу довелось составить план учебных маневров отряда. Да и как же мне разработать такой план на уровне всего отряда? Другое задание я могу... Но составить такой план, честное слово, мне трудно, – говорит он.

Поглядев на него, пришедшего в замешательство, Командующий серьезным тоном, но доходчиво рассказывает: делать то, что раньше не довелось делать, конечно, трудно. Однако знаешь, за любое дело берешься с твердой решимостью – постепенно становишься опытным и обогащаешься знаниями.

То же самое, продолжает он, и с составлением плана учебных маневров отряда. Ты говоришь: раньше этого делать не довелось. Если ты так с самого начала оседаешь наземь, то как же тебе впредь взять на себя более высокие служебные обязанности? Скажи, ты умел стрелять до вступления в партизанский отряд? Партизанская жизнь дала тебе осваивать навыки стрельбы и обогащать твой багаж военно-политических знаний. Не так ли? И вот я тебе говорю: попробуй разработать план учебных маневров отряда. На основе опыта партизанской борьбы и знаний, освоенных во время интенсивной военно-политической подготовки.

Послушав слова Командующего, полные доверия к нему, он взял себя в руки и говорит:

– Непременно выполню полученное задание, товарищ Командующий!

С того дня замкомвзвода начал изучать соответствующие материалы и на этой основе составлять план учений. Несколько ночей провел напролет, но дело пошло не так, как по своей воле.

До даты выполнения задания, порученного ему Командующим, осталось мало времени. Но пока еще ничего не вышло. Его взяло беспокойство.

Тут никто не знал, что к нему вдруг придет Командующий.

Вникнув в переживания замкомвзвода, он еще раз напоминает: что станет с тобой, если ты будешь обязан выполнить высокие служебные обязанности во время предстоящей боевой операции по освобождению Родины или на освобожденной Родине заняться делом военного образования, или быть на ответственных должностях на уровне дивизии, корпуса? Теперь дело твое – попробовать составить и план учений, и план большой боевой операции. Командующий еще раз обучил его конкретным методам составления плана учебных маневров отряда.

Он сразу уверенно приступил к разработке плана учения.

Глубоко изучал новые тактико-стратегические установки, намеченные Командующим во весь период руководства антияпонской вооруженной борьбой. Обобщил опыт многолетней партизанской борьбы и знания, освоенные в последнее время на интенсивных военно-политических занятиях. Составлял конспект и на этой основе разработал тщательную программу учений.

Представленный Командующему учебный план принес ему большую радость и значительно способствовал повышению боеспособности отряда.

И еще: все бойцы, окруженные таким глубоким доверием и вниманием Командующего, могли освоить умение командовать

боями в современной войне, они выросли достойными военными командирами.

Сводные тактические занятия, проведенные под его личным командованием

В целях реализации плана проведения последней наступательной операции по освобождению Родины Ким Ир Сен лично направлял сводные тактические занятия отряда КНРА, в том числе подразделений воздушного и морского десанта.

Учения проходили в лесной зоне у Амура, по рельефным условиям похожей на укрепленные районы противника у бассейна реки Туман.

По его приказу начинается артподготовка и бомбардировка авиации. Одновременно с перенесением удара перед атакой в глубину обороны «противника» саперы открывают проход в зоне с проволочными заграждениями и минным полем.

«Противник», опираясь на новые свои огневые точки, упорно сопротивляется. В этой обстановке приказано сформировать небольшой отряд из нескольких бойцов, чтобы он делал обход с фланга и ударил по «противнику» с его тыла. В результате этого наши войска снова переходят в атаку и, расширяя боевые успехи, с боями преследуют «противника». Пехотинцы переходят в наступление и, уничтожая сопротивляющегося «противника», атакуют высоту.

На учениях Командующий все время, указывая на разную обстановку, внимательно следит за боевыми действиями бойцов.

Одна из рот собирается вести боевые действия для уничтожения огневых точек «противника». Он создает в ней новую обстановку.

Он говорит командиру: по донесению разведгруппы, у «противника» имеется три дзота, а на деле обнаружено дополнительно еще и два. Атака начата по составленному боевому плану для уничтожения этих трех точек, а теперь перед глазами обнаружено и еще две точки. Что надо делать в этом случае, по-твоему, командир?

Для него это была совсем неожиданная обстановка, и он в растерянности не мог дать точный ответ.

Командующий дает ему конкретные советы: вот в подобной неожиданной сложной обстановке командир должен уметь находчиво принять продуманное решение в соответствии с данными обстоятельствами.

Чтобы правильно вести себя в только что созданной обстановке, надо делать так: на уточнение размещения огневых точек «противника» приказать подрывным группам уничтожить некоторые точки. А если остальные дзоты разорвать им трудно, то следует создать небольшие подразделения и направить его в тыл «противника», чтобы оно там уничтожило их. Нужна такая тактика.

По его указанию тот командир создал боевую группу, чтобы уничтожить новоявленные точки «противника». Используя достигнутые успехи, рота снова начала расширять масштаб атаки.

Все бойцы с высоким боевым подъемом беспощадно стреляли по «противнику» и сокрушили его.

Вдохновляющая картина тактической подготовки напоминала будущую решительную битву за освобождение Родины.

Прорыв для боевой операции против Японии

9 августа 1945 г. великий Ким Ир Сен отдал приказ отрядам КНРА о начале генерального наступления во имя освобождения Родины.

Прежде чем начать последнюю наступательную операцию, он приказал отрядам КНРА совершить внезапный налет на Тхори в уезде Унги, Наньбели в уезде Хуньчунь и другие важнейшие военные опорные пункты противника в пограничных укрепленных районах, посеять панику в системе его обороны, нанести удар по живой силе и огневым средствам противника в укрепленной полосе.

Кстати сказать, при организации совместной с КНРА операции командование войск 1-го Дальневосточного фронта больше всего озабочено вопросом о выборе мест, куда можно было бы нанести самые эффективные удары. То есть, по какому звену в пограничных укрепрайонах следует нанести удар, чтобы пошатнулась вся система обороны японских войск?

Ими были построены в пограничных районах укрепленные полосы, которые они хвастливо называли «неприступной линией обороны». Эти укрепления были самым большим камнем-препятствием на пути проведения запланированной операции против Японии.

Серьезной проблемой при этом советские командиры считали Квантунскую армию, находившуюся за укрепленной полосой, а Ким Ир Сен – прорыв этой укрепленной линии.

И он предложил, прежде чем начать войну, провести бои местного значения. Все высшие командиры 1-го Дальневосточного фронта, удивленные его предложением, делали большие глаза.

Ким Ир Сен настаивал: чтобы открыть путь к боевой операции против Японии, надо ударить по ряду военных опорных пунктов противника для того, чтобы враги сами сразу раскрыли свою систему обороны, усиленную ими в полном секрете, и укрывшуюся в ней живую силу с огневыми средствами.

И вот один из отрядов КНРА накануне войны под дождем, лившим как из ведра, совершил рейд на Тхори, один из пунктов укрепленной полосы вдоль реки Туман.

Тхори находилось в удивительной точке на стыке Кёнхынской и Унги-Рачжинской укрепленных полос. Потеря Тхори вынудила бы противника оставить этот обширный район, и его Кёнхынские укрепления оказались бы под угрозой.

Бойцы подожгли полицейский участок в Тхори и освободили село.

Путь для прорыва, открытый дерзкими действиями отряда спецназа, передового отряда КНРА, образовавшей совместный фронт с советскими войсками, стал одним из ключевых звеньев в осуществлении оперативных планов, направленных на молниеносное завершение войны против Японии.

Последняя наступательная операция КНРА

После разработки плана этой операции Ким Ир Сен в июле 1945 г. посоветовался в Хабаровске с высокопоставленными

командирами советских войск о вопросе проведения взаимодействия с их частями, которые пойдут на войну против Японии по заключенной международной конвенции. Он для этого принял конкретные необходимые меры.

С завершением подготовки к проведению последней наступательной операции Ким Ир Сен мудро направлял борьбу за осуществление оперативного плана освобождения Родины.

Получив от него приказ о начале последней атаки за освобождение Родины, отряды КНРА перешли в генеральное наступление и, громя японские агрессивные войска, стремительно продвинулись вперед.

Отряды КНРА, занявшие в Канбэксанском тайном лагере исходную позицию для последней наступательной операции, расширяя свои ряды, продвинулись, как предусмотрено в оперативном плане. А другой отряд КНРА совместно с народным вооруженным отрядом освободил Рачжин и начал расширять свои боевые успехи.

Отряды КНРА, собравшиеся в бассейне реки Туман, молниеносно форсировали реку, а затем прорвали пограничные укрепления противника, хвалебно считавшиеся «неприступной линией обороны», освободили районы Кёнвона и Кёнхына и, продолжая расширять боевые успехи, освободили обширную территорию внутри страны.

Некоторые подразделения передового отряда морского десанта в тесном взаимодействии с наземными войсками 11 августа высадили на землю родной страны и, расширяя боевые успехи, продвинулись в район Чхончжина.

Другие отряды КНРА, освободив Цзиньчан, Дуннин, Мулин

и город Муданьцзян, с боями преследовали врага, чтобы разгромить его. Они, нанеся смертельные удары Квантунской армии, продвинулись в сторону берега реки Туман.

Небольшие отряды и политработники-подпольщики КНРА, до этого действовавшие внутри страны, с новой силой подняли народные вооруженные отряды, организации для вооруженного восстания, широкие народные массы на вооруженные восстания.

Ускорила и подготовка к высадке парашютного десанта в важнейшие районы страны в унисон с проведением боевых операций отрядов КНРА, продвигающихся вперед в разных направлениях.

Ожесточенная атака наших войск и динамика антияпонского сопротивления народа нанесли решительные удары японским империалистам. 15 августа 1945 г., когда прошла лишь одна неделька после начала боевой операции по освобождению Родины, империалистическая Япония объявила безоговорочную капитуляцию.

«Да здравствует освобождение Родины!»

По приказу Ким Ир Сена все отряды КНРА перешли в генеральное наступление. Они в тесном взаимодействии с советскими войсками, принявшими участие в боевой операции против Японии, громя японские агрессивные войска, лавиной продвинулись вперед на Родину.

Подпольные революционные организации во всех районах

Кореи, давно готовившие антияпонские восстания, подняли на борьбу рабочих, крестьян, учащуюся молодежь, патриотически настроенных молодых людей, укрывавшихся во избежание навязанной японскими самураями «воинской повинности», «трудо-вой повинности».

В унисон с боевой операцией КНРА по освобождению Родины повсеместно в стране создавались вооруженные отряды, которые налетами громили недобитых солдат противника, развернули смелую борьбу за уничтожение органов японского колониального правления, и расправу с врагами и их прислужниками.

Ким Ир Сен, комплексно анализировавший информации с фронтов и из Кореи и зорко следивший за ходом событий, наконец, издал приказ воздушному десанту о вступлении в бой.

15 августа десантники прибыли на аэродром и, выстроившись, ждали приказа о вылете. В тот момент прилетела потрясающая весть о безоговорочной капитуляции Японии.

Вмиг в рядах бойцов раздались бурные восторженные возгласы:

«Да здравствует Полководец Ким Ир Сен!»

«Да здравствует освобождение Родины!»

Бойцы во весь голос кричали «Мансе!», обнимались друг с другом, проливали горячие слезы.

С каким терпением ждали прихода этого дня! Сколько много сыновей и дочерей Кореи пролили ради этого дня горячую кровь!

В тот день в Северном лагере временной дальневосточной базы состоялся митинг в честь освобождения Кореи, достигнутого с безоговорочной капитуляцией империалистической Японии.

На нем Ким Ир Сен выступил с многозначительной речью.

«Освобождение Родины – это бесценный результат, достигнутый непреклонной борьбой настоящих революционеров Кореи, боровшихся с пролитием крови против разбойников – японских империалистов, и общенациональной войной сопротивления широких антияпонских патриотических сил в стране и за ее пределами. Это великая победа в антияпонской вооруженной борьбе, развертывавшейся на протяжении 15 лет».

Пусть все еще настойчивее борются во имя построения новой, народной Кореи – богатой, могучей и процветающей, во имя окончательной победы корейской революции, продолжал он.

Все собравшиеся в знак выражения желания всей корейской нации послали горячие поздравления, теплый привет великому Ким Ир Сену, который своей выдающейся военной стратегией и тактикой, силой своего необыкновенного руководства вооруженными силами разгромил империалистов Японии и, наконец, принес родной стране день освобождения.

Империалистическая Япония объявила свою безусловную капитуляцию. И корейский народ завоевал великую победу в героической вооруженной борьбе. Великое историческое дело освобождения Родины блестяще осуществлено.

Послесловие

На исторический путь триумфального возвращения на Родину встал Ким Ир Сен, который десятки лет прошел сквозь снежные вихри на маньчжурских просторах, преодолел далекий путь в огненные дни антияпонской борьбы и, наконец, свершил историческое дело освобождения Родины, что было величайшим желанием народа родной страны.

Однако в то время у него лицо не было светло. Мучительно было на душе. Почему?

Потому что острой болью отдавался у него в сердце тот факт, что ему пришлось отправиться на Родину, оставив на немилой чужой земле прах погибших соратников, с которыми он в дни антияпонской войны делил горе и радость, общую судьбу и которые столь горячо пожелали ступить на родную землю и, не щадя своей жизни, сражались за приход дня возвращения в незабываемые родные края.

В тот день он конкретно уточнил места, где покоится прах ушедших товарищей. Он сказал боевым друзьям: глубоко запомните эти места, бережно перенесем их останки на руках и похороним на родной земле.

С неугасимым волнением воскрешая в памяти облик ушедших из жизни соратников, он в обеденный час не мог взять в руку ложку.

Настал час отправления отряда на Родину. И в ту минуту он, обращая свой взор в сторону отдаленного поля боев прошедших дней, не смог сразу дать команду: «Шагом марш!»

1945-й год в освобожденной Корее. Ранней зимой шел первый снег. Однажды он вернулся с далекой рабочей поездки. Вижу, говорит он, первый снег на родной земле после освобождения. Это наводит много дум о погибших товарищах. И в этот день они, ушедшие от нас, лежат костями на чужой земле под холодным снегом. Эти они ради сегодня пролили кровь. Их прах надо принести и похоронить на освобожденной родной земле, говорит он с теплотой в голосе.

В первые дни после освобождения страны сложилась весьма трудная, сложная ситуация. Несмотря на это, он предложил привезти прах товарищей по революции, зарытый в горах и на полях чужой страны, прежде чем перенести могилы своих родителей. И по его словам прах соратников перехоронен на сопке Моран в Пхеньяне и на других живописных местах Хесана и других районов.

В октябре 1975 г. на вершине Чучжак горы Тэсон, с которой виднеется вся панорама Пхеньяна, построено мемориальное кладбище революционеров. Через десяток лет оно реконструировано и расширено в нынешнем виде. Там стоит стела с факсимиле Ким Ир Сена:

«Благородный революционный дух павших антияпонских революционеров навечно останется в сердцах членов нашей партии и всего народа.

Ким Ир Сен. 10 октября 1985 г.»

С этим памятником на бугре бессмертия стоят бюсты ветеранов революции – тех, которые приняли участие в кровопролитной антияпонской войне – священной борьбе за освобождение Родины.

В ДНИ АНТИЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Авторы: Хо Сун Бок, Чвэ Иль Гук

Редактор: Ан Су Ён

Перевели У Чон Хван, Пак Гён Со

КНДР, Издательство литературы
на иностранных языках

Выпущено в сентябре 2025 года

Т-250880359691

E-mail: flph@star-co.net.kp

<http://www.korean-books.com.kp>

ISBN 978-9946-0-2469-1

9 789946 024691 >

